

ТАТАРСКИЙ МИР

№ 4 (6423) 2019

ДОНЬЯСЫ

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Рабис Салаяев. «Су бую»

Экстрим был сплошной...

с. 8

Неутомимый труженик науки

с. 11

Весна наступила, Тукаевский месяц

с. 4,10

Живу напутствиями мамы...

с. 3

Моң и родной язык - навсегда со мной...

с. 6

Ренат Харис

Ах, как робко,
тихо как
танец начинает!
Будто тесто на чак-чак
мелко нарезают.
Сарафан - от плеч до пят,
блики вдоль подола.
Маслом ичиги шипят,
чуть касаясь пола.
Две косы, прильнув к груди,

Танцует татарочка

блещут чернью сажи.
Две косы,
как две змеи,
замерли на страже.
Не страшны на вид они
под покровом шали,
но лишь руку протяни —
намертво ужалят.
То пойдет, сужая круг,
то забьется слепо,

как гусыня, вспомнив вдруг
про свободу неба.
А потом опять плывет
грустно и несмело.
Но смирение ее
не приемлет тело.
Щеки радостно горят
веселей скольженье
Вся она — от плеч до пят —
вызов и смущенье!

Перевод **Вадима Кузнецова**

МОСКВА

Полномочное представительство РТ в РФ посетили руководители и педагоги Московского педагогического университета: директор Института филологии МПГУ, заведующий кафедрой русской классической литературы Елена Чернышева, заместитель директора Марина Сарапас, доцент, кандидат филологических наук Ландыш Латфуллина. С ними встретился заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин. На встрече были обсуждены вопросы изучения татарского языка в Москве, возможности совместных мероприятий, проектов. С 2018 года в МПГУ ведется обучение по магистерской программе «Татарская

филология». Она работает на базе кафедры общего языкознания Института филологии МПГУ, направлена на подготовку специалистов, профессионально владеющих татарским языком и литературой, имеющих представление о культурных ценностях татарского народа. После завершения программы магистратуры имеется возможность продолжить обучение в аспирантуре. С этого года в университете начнется набор по магистерской программе «Тюркская филология» с изучением татарского и турецкого языков. В феврале в МПГУ открылось землячество татар и выходцев из Татарстана.

На ВДНХ при поддержке Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы прошел общегородской праздник «Навруз». Традиционно его отмечают в Иране, Афганистане, Таджикистане, Азербайджане, Туркменистане, Киргизии, Узбекистане, Казахстане, Индии, Китае, а также других странах; в российских регионах – Татарстане, Башкортостане, Дагестане и уже более десяти лет – в Москве. На праздник при непосредственном участии национальных общественных объединений

Москвы были организованы «национальные дворики» – площадки с изделиями народных промыслов, и отдельные зоны, где можно было отвежать традиционные блюда. Жители и гости столицы смогли познакомиться с национально-культурными традициями, приобрести памятные сувениры, обрести друзей. На главной сцене праздника выступили вокальные и танцевальные коллективы, представляющие искусство разных народов, отмечающих Навруз. Российская Федерация сегодня является родным домом для 193 народов. Традиционные этнокультурные праздники – это бесценное историческое и национально-культурное достояние России, бережное сохраняемое

многими поколениями. Московский Навруз по составу участников и программе является по-настоящему уникальным ежегодным событием в культурной и общественной жизни столицы.

В переполненном концертном зале Крокус Сити Холл состоялся концерт одного из ярких представителей молодого поколения татарской и башкирской эстрады Ришата Тухватуллина. Репертуар артиста сочетает

традиции народной песни и творчество таких великих певцов татарского народа, как Ильгам Шакиров и Хайдар Бигичев. Ришат Тухватуллин является лауреатом телевизионного конкурса «Хрустальный соловей», победителем международных конкурсов «Татар моңы» и «Талантлар канатында», многократным победителем ежегодного конкурса «Башкорт йыры» и других. На сцене артиста поздравили друзья и коллеги. Среди них – Гульназ Асаева, Филос Кагиров, Чулпан Юсупова, Государственный ансамбль танца им. Файзи Гаскарова и советник полномочного представителя Башкортостана при Президенте РФ Ришат Халиков.

МОСКВА

Книги и личные вещи доктора исторических наук, почетного члена Академии наук Татарстана Агдаса Хусайновича Бурганова были собраны и направлены в Академию наук. Более 1000 изданий направлены при содействии полномочного представительства Республики Татарстан в РФ. Часть книг и личных вещей планируется передать школе, расположенной на малой родине профессора – в Ленинском районе Татарстана. Также на данный момент в Академии наук ведут переговоры о передаче части материалов в Национальный музей Республики Татарстан. Напомним, что Агдас Бурганов является автором более 400 научных работ и десяти монографий в области философии собственности и межнациональных отношений, проблемы возрождения татарской нации.

АЛЬМЕТЬЕВСК

В центральной библиотеке имени Сажида Сулеймановой столицы татарстанских нефтяников города Альметьевска состоялась встреча с главным редактором Федеральной просветительской газеты «Татарский мир», известным российским писателем и общественным деятелем Ринатом Мухаммадиевым. Любители литературы знают и любят его произведения. Они смогли познакомиться с творцом лично и узнать интересные факты из его биографии.

В зале не было свободных мест, творческая интеллигенция города, района – писатели, библиотекари, педагоги татарского языка и просто любители творчества писателя и читатели газеты собрались в большом читальном зале Центральной библиотеки, чтобы задать интересующие вопросы, встретиться и поговорить о планах газеты и самого писателя.

«В Альметьевске всегда жили и живут, работают жемчужины татарской литературы. Мне посчастливилось во все времена общаться и дружить в разные годы, – признался писатель, начиная свое выступление. – И сегодня у нашей газеты самые добрые и активные взаимоотношения с журналистами, писателями и, конечно же, с многочисленными читателями нашего нефтяного края».

Писателю было задано огромное количество вопросов о газете, о жизни татар в Москве и, конечно, касающиеся его творчества и биографии, истории татарского народа и современного состояния татарской литературы и культуры в целом. Своим читателям и библиотеке он привез последние номера газеты «Татарский мир» и свои новые книги, которые с удовольствием дарил с автографом.

Встречу вел руководитель Альметьевской писательской организации Рафкат Шагиев.

Память

В Московской Соборной мечети родные, друзья, коллеги прощались с Ильгизом Мустафовичем Каримовым, писателем, переводчиком, автором газеты «Татарский мир». Тяжелая болезнь прервала его жизнь. 77 лет он радовал окружающих своим легким характером, нестандартным взглядом на то, что происходило в жизни, своим тонким и светлым юмором. Но самым ярким достоинством дарования И.М. Каримова является, конечно, его писательский талант. После окончания МГУ им. Ломоносова в 1967 г. читатели таких авторитетных изданий, как «Литературная Россия», журнал «Молодой коммунист» с интересом знакомились с его статьями, рецензиями об актуальных событиях текущей литературы и искусства. А начиная с 70-х гг. всеобщий читатель узнал И.М. Каримова как блестящего переводчика прозы. Известные писатели Г.Ахун, А.Хакимов, Р.Мухаммадиев и другие гордились тем, что их романы и повести полноправно ожили в русском пространстве в переводе И.М. Каримова.

Поистине литературным подвигом стал его перевод повести Мустая Карима «Долгое-долгое детство», которое было удостоено Ленинской премии. На литературно-этнографической карте Земного шара появилось новое открытие – башкирский народ, а многонациональная российская литература обогатилась незаменным шедевром. Оригинал произведения и его перевоплощение в переводе редко уравновешены между собой. Гармония была достигнута тем, что И.М. Каримов прекрасно владел языком Пушкина и Толстого, с малолетства рос в народной среде (дер. Кляшево) и впитал в себя национальное мироощущение и, наконец, генетика Мустая Карима. Вот эти качества И.М. Каримов сумел соединить в единый инструмент при работе над переводом повести «Долгое-долгое детство», и читатели обрели неувядающее произведение, которое сближает народы и согревает сердца людей.

Редакционный совет и коллектив газеты «Татарский мир» приносит искренние соболезнования родным и близким Илгиза Каримова. Память о нем навсегда останется в наших сердцах!

В Москве на 58-м году жизни скоропостижно скончался Дамир Ситдилов – руководитель группы компаний «ГазИнтерАвто», президент Ассоциации нефтегазопромышленного и бурового оборудования, объединяющей предприятия газового сектора.

Дамир Ситдилов совмещал бизнес и меценатство. Его деятельность была направлена на популяризацию спорта и здорового образа жизни. Большую поддержку Дамир Загитович оказывал многим проектам полномочного представительства РТ в РФ, входил в состав созданного при нем Клуба офицеров.

При его участии в Москве состоялся благотворительный концерт «Таланты содружества» в поддержку Благотворительного фонда имени Анжели Вавиловой. Ситдилов содействовал в издании книг и журналов, спонсировал создание фильмов о земляках, принимал участие в установке в Москве памятников Габдулле Тукаю и Мусе Джалилю. Особое внимание Дамир Ситдилов уделял детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также помогал в проведении спортивных турниров. В ноябре 2018 года указом Президента России Владимира Путина он был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

В 2017 году на торжественном вечере в рамках Дней культуры Татарстана в Москве Рустам Минниханов вручил бизнесмену Благодарность Президента РТ.

Сынок, будь терпелив...

Миллионы спасённых жизней, сотни научных открытий и достижений, десятки тысяч обученных медицинских кадров для всей страны — всё это достижения НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского. В народе «Склиф» в шутку называли институтом, в который принимают без экзаменов. «Налетел на самосвал, к Склифосовскому попал», — пел Владимир Высоцкий. Сегодня это самый крупный многопрофильный центр экстренной медицины в России с самым современным оборудованием и, конечно, лучшими врачами. Одним из них бесспорно является доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник отделения сочетанной и множественной травмы Ильверт Ахатович Шарипов. Более сорока лет он проработал в институте, помогая самым тяжелым больным. Устройством для дренирования легких, изобретенное Шариповым, спасло жизни тысячам людей. Это военнотравматолог, получивший ранения в Афганистане, пострадавшие во время землетрясения в Спитаке, раненые возле Телецентра и Белого дома, известные на всю страну актеры — Вячеслав Невинный, Олег Ефремов, писатель Сергей Михалков и многие другие.

линии был репрессированным купцом из Апастовского района Татарстана. Я был в тех местах и видел фундамент нашего дома, сожженного в 1937 году НКВДшниками. Всю семью, вместе с четырьмя детьми, отправили в Сибирь. Маме было тогда 14 лет, и она рассказывала мне обо всех ужасах их жизни. Как их вначале долго везли в вагонах-теплушках, а потом пересадили в грузовики и высадили где-то посреди тайги в 30-градусный мороз без еды. Им даже не дали лопат, топоров или пил. Бедный дед соорудил подобие шалаши из еловых веток, забросал снегом и так они продержались первое время. А потом вилками и палками рыли землянку, грызли корешки и шишки. Люди умирали сотнями, а их трупы складывались штабелями в сторонке. По весне, когда тела начинали гнить, оставшиеся в живых уходили дальше в тайгу. Только через какое-то время «врагам народа» выдали пилы и заставили заготавливать лес со словами: «Радуйтесь, что вас не расстреляли». Каким-то чудом деду удалось сохранить всех своих детей, пережить голод и страшные эпидемии тифа.

- Практически сюжет романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной, только еще хуже...

- Почти такая же трагическая судьба у моего отца. Его семья жила где-то на границе Татарстана и Башкортостана. Деда расстреляли, поскольку он был муллой, а его детей — моего отца и трех сестер отправили в Сибирь. Там он и познакомился с мамой. Родителям тогда было по 25 лет. В 47-м году где-то под Нижним Тагилом родился я. Всего в семье было восемь детей, трое из них умерли. Государство «пахало» даже на нас, внуках врагов народа. Все каникулы, сколько себя помню, мы рубили сучья и заготавливали кору. На память о детстве у меня остался глубокий шрам на спине: шел по свежее ошкуренному бревну и упал на лезвие топора, который нес на плече. Там, где мы жили, в спецпоселении Зыковском (сейчас это Пермский край), не было средней школы. Меня вместе с братьями отправляли учиться в поселок Пашья. Каждый месяц мы шли 20 километров по узкоколейке в интернат при школе, таща на себе нехитрый запас провианта: бидон катыка, ведро картошки и немного замороженного мяса в рюкзаке. Там селились в холодном бараке, где нас избивали местные ребята, а потом отбирали еду. Мне приходилось чуть легче, поскольку рядом было два старших брата, но как доставалось им — не приведи господь. Из всех детей Зыковского только мы, пятеро Шариповых, окончили 11-летку. Остальные ребята не выдержали полугодовой жизни и бросили школу. По-другому у нас в семье и быть не могло, таков был мамин настрой: «Укыгыз, балалар, укыгыз» (учитесь,

История Института им. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы начинается в 1810 году со Странноприимного дома графа Николая Шереметева, построенного в память о его любимой жене Прасковье Ковалёвой-Жемчуговой. В то время это было одно из первых в России учреждений по оказанию медицинской помощи нуждающимся и немощным людям. Во времена Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны 1878 года, русско-японской войны 1905 года здесь располагался госпиталь для раненых солдат. В 1923 году учреждение получило статус Института неотложной помощи, а в 1929 году ему было присвоено имя профессора Николая Васильевича Склифосовского.

Ежегодно в институте квалифицированную помощь получают 67 тысяч пациентов, 37 тысяч госпитализируются в стационар. Здесь проводится более 20 тысяч операций в год, 30 тысяч пациентов получают экстренную помощь в амбулаторных условиях. НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского активно участвует в ключевых проектах модернизации столичного здравоохранения.

дети, учитесь), хотя сама, бедняжка, русскую грамоту не знала, писать могла по-арабски. Наверное, только благодаря маме, мы не только среднее, но и высшее образование сумели получить.

- Когда вы поняли, что хотите стать врачом?

- Еще в пятом классе школы, когда у нас начались уроки биологии. Тогда впервые я увидел под микроскопом луковицу. Оказывается, любое растение или животное состоит из клеток. Решил, что хочу познать все. А как? Надо стать врачом! Каким? Конечно хирургом! И я начал мечтать о медицине. Решил поступать в Пермский медицинский институт. С первого раза не получилось, ушел в армию. Попал в учебку под Миассом, затем отправили в воинскую часть под Нарофоминском, где стал старшиной разведроты. После учений все разбрелись по девушкам, а я, прячась за танком, читал учебники по биологии, писал конспекты. Повезло с начальником штаба: на время вступительных экзаменов в меде он дал мне отпуск, и я рванул в Пермь. Когда вернулся в часть, каждый день ждал письма из института и когда, наконец, получил и узнал, что принят на первый курс, прыгал от радости до потолка. Демобилизовался в связи с событиями в Чехословакии поздно — только в ноябре. Помню, как пришел на первое занятие по анатомии в морг. Ни тетради, ни ручки при себе. Выпросил у санитаров какой-то старый грязный халат. Начал приходиться студенты: веселые, наглые, в накрахмаленных шапочках и халатах. Стоят, хихикают надо мной. Преподаватель с жалостью говорит: «Шарипов, вы сильно отстали, даже не знаю, справитесь ли?». Перед группой лежит расплосанный труп, все органы наружу. Жутко. Однокурсники уже кости, мышцы прошли, нервы изучают, а я ничего не знаю. Ну, думаю, раз мечтал здесь учиться, значит надо держаться. Пока ребята в общаге гуляли и веселились, я за учебниками как проклятый сидел. Первую сессию сдал на одни четверки-пятерки. Декан факультета после этого меня зауважала, назначила старостой группы. А на третьем курсе я записался в хирургический кружок под руководством доцента кафедры общей хирургии Виктора Фирсова. Он меня тогда привлек работать в единственный на весь СССР Центр по торакальной травме под руководством легендарного тогда еще профессора, а позже академика Евгения Антоновича Вагнера. Это была для меня колоссальная школа. Видимо, мои старания заметили и оставили работать на кафедре. А потом отправили по путевке учиться в аспирантуру при Институте усовершенствования врачей в Санкт-Петербурге.

- А как в итоге вы оказались в Склифосовском?

- Я хотел защищаться в Петербурге, но умер мой руководитель. Родственники настояли на переезд к себе — в Москву. Один из старших сыновей моего ссыльного деда сбегал в столицу из Сибири. По его словам, Москву он знал, как свои пять пальцев, ведь они с моим дедом возили по 15-30 обозов с товаром и имели свою мануфактуру в пяти минутах ходьбы от Кремля. Московская родня меня обожала: они знали, что мы пережили в ссылке и очень сочувствовали. Насих абый решил мне помочь и даже прописал к себе. А тот самый Виктор Фирсов, у кого я учился в Перми, позвонил своему аспирантскому другу Александру Павловичу Кузьмичеву, заместителю директора Склифа по науке, и рассказал обо мне. Тот, сказал, что с удовольствием возьмет меня. И вот 40 с лишним лет назад я пришел в Институт имени Склифосовского. Так началась моя «веселая жизнь». Дежурил и оперировал сутками — травмы, абсцессы, пневмонии, рак легких... Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Мой метод внутриплеврального дренажа спас тысячи пациентов.

- Слышала, что с помощью этого метода вы поставили на ноги актера и режиссера Олега Евфремова, когда он к вам поступил с разрывом легкого?

- Надо сказать, поступить-то он в Склиф поступил, но лечиться не хотел. Так и заявил, когда я вошел к нему в палату: «Оставьте меня в покое, я пришел умирать». Тут пришлось использовать все свое красноречие, где-то даже силу и всевозможные способы умасливания. Пока Олег Николаевич лежал в больнице, моя жена, детский врач Ханиса Сафьявна специально для него пекала татарские беляши. В итоге мы нашли общий язык, провели адекватное лечение и расстались хорошими друзьями. Евфремов выписался совершенно здоровым. И по-королевски отблагодарил меня. По его приглашению мы с женой и друзьями посмотрели многие спектакли во МХАТе.

- Ильверт Ахатович, вы состоите в Клубе врачей при полномочном представительстве РТ в РФ. Активно интересуетесь тем, что происходит в татарской общине Москвы и даже издали на свои средства книгу «Сабантуй». Значит, вы не равнодушны к тому, что происходит в татарской среде?

- Я не могу жить без своей национальной культуры. Дома мы постоянно включаем спутниковый канал «ТНВ-Планета». Родного языка я уже почти не помню, но с огромным удовольствием слушаю татарские песни. Мне хотелось бы быть хоть чем-то полезным своему народу, поэтому издал книгу, посвященную истории праздника Сабантуй, и мечтаю с помощью коллег из Клуба врачей и волонтеров организовать в Доме Асадуллаева консультационный прием медиков разного профиля.

- На дверях странноприимного дома Шереметева, который стал потом Склифом, была надпись: «Сгорая сам, свети другим». А вы бы себе какой девиз выбрали?

- С самого раннего детства только и слышал от мамы по-татарски: «Улым, сабыр бул. Сынок, будь терпелив». Так всю жизнь и живу, вспоминая ее слова.

дедом возили по 15-30 обозов с товаром и имели свою мануфактуру в пяти минутах ходьбы от Кремля. Московская родня меня обожала: они знали, что мы пережили в ссылке и очень сочувствовали. Насих абый решил мне помочь и даже прописал к себе. А тот самый Виктор Фирсов, у кого я учился в Перми, позвонил своему аспирантскому другу Александру Павловичу Кузьмичеву, заместителю директора Склифа по науке, и рассказал обо мне. Тот, сказал, что с удовольствием возьмет меня. И вот 40 с лишним лет назад я пришел в Институт имени Склифосовского. Так началась моя «веселая жизнь». Дежурил и оперировал сутками — травмы, абсцессы, пневмонии, рак легких... Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Мой метод внутриплеврального дренажа спас тысячи пациентов.

- Слышала, что с помощью этого метода вы поставили на ноги актера и режиссера Олега Евфремова, когда он к вам поступил с разрывом легкого?

- Надо сказать, поступить-то он в Склиф поступил, но лечиться не хотел. Так и заявил, когда я вошел к нему в палату: «Оставьте меня в покое, я пришел умирать». Тут пришлось использовать все свое красноречие, где-то даже силу и всевозможные способы умасливания. Пока Олег Николаевич лежал в больнице, моя жена, детский врач Ханиса Сафьявна специально для него пекала татарские беляши. В итоге мы нашли общий язык, провели адекватное лечение и расстались хорошими друзьями. Евфремов выписался совершенно здоровым. И по-королевски отблагодарил меня. По его приглашению мы с женой и друзьями посмотрели многие спектакли во МХАТе.

- Ильверт Ахатович, вы состоите в Клубе врачей при полномочном представительстве РТ в РФ. Активно интересуетесь тем, что происходит в татарской общине Москвы и даже издали на свои средства книгу «Сабантуй». Значит, вы не равнодушны к тому, что происходит в татарской среде?

- Я не могу жить без своей национальной культуры. Дома мы постоянно включаем спутниковый канал «ТНВ-Планета». Родного языка я уже почти не помню, но с огромным удовольствием слушаю татарские песни. Мне хотелось бы быть хоть чем-то полезным своему народу, поэтому издал книгу, посвященную истории праздника Сабантуй, и мечтаю с помощью коллег из Клуба врачей и волонтеров организовать в Доме Асадуллаева консультационный прием медиков разного профиля.

- На дверях странноприимного дома Шереметева, который стал потом Склифом, была надпись: «Сгорая сам, свети другим». А вы бы себе какой девиз выбрали?

- С самого раннего детства только и слышал от мамы по-татарски: «Улым, сабыр бул. Сынок, будь терпелив». Так всю жизнь и живу, вспоминая ее слова.

Беседовала **Лейсан Ситдикова**

Марат Сафаров, кандидат педагогических наук

Маленький Апуш

и сюжеты из Старо-Татарской слободы

Ставшую уже хрестоматийной картину казанского художника Хаджи-Мурата Казакова «Маленький Апуш» вижу каждый раз, приходя в библиотеку Татарского культурного центра. Вернее, не саму картину, а её талантливую копию. Над пианино, среди татарских книг, в Доме Асадуллаева – все здесь созвучно и правдиво.

Картина же экспонируется в обновленном казанском Литературном музее Габдуллы Тукая – в здании дома Шамиля, одном из самых стильных зданий на территории Старо-Татарской слободы. Хотя здесь версии о подлиннике среди искусствоведов разнятся – видимо, речь идет о нескольких повторках самим художником своего удачного произведения.

Образ маленького Тукая-сироты, созданный в 1958 году, растиражирован, много раз публиковался в печати, в детских книгах о поэте, стал народным и привычным. Гораздо меньше известно о самом художнике.

Хоть и называют иногда Хаджи-Мурата Исаковича Казакова «видным художником», но в успешную обойму признанных мастеров, удостоенных больших выставок и солидных каталогов, он так и не вошел. Ныне его имя известно скорее знатокам татарского изобразительного искусства XX века или казанским художникам, помнящим своих предшественников. Пишу это, имея в виду Рушана Шамсутдинова – художника, берегающего и на своих полотнах, и в устных историях ушедшую жизнь города.

Но мне стало впервые известно о казанском художнике Казакове от его родственника Сальмана Газизовича Губайдуллина (1915–2004), сына столпа татарской историографии Газиза Губайдуллина. Сальман Газизович жил и в Баку, и в Москве, но родился и провел счастливое детство в Казани, в той самой Старо-Татарской слободе. На контрасте с тукаевским сиротским – детство Сальмана прошло в большой купеческой семье, где даже революция и национализация имущества до поры не прервали безмятежности и тепла.

Когда-то в слободе была Казаковская мечеть, построенная в 1876 году на средства купца Мухамметзяна Казакова. Простояла она в Казани почти 100 лет, и большую часть своего века – закрытая для молитв. В 1975 году Казаковскую мечеть снесли.

И Сальман Губайдуллин, и Хаджи-Мурат Казаков, и легендарный революционер Мулламур Вахитов принадлежали к казаковскому купеческому роду. Вот что пишет об отце художника в своих воспоминаниях Сальман Газизович Губайдуллин:

«...Расскажу об Исхаке Мустафовиче Казакове (1876–1939), которого знал лично и хорошо помню. По родству Исхак абый доводился моей матери двоюродным братом.

Нашим семьям в 1920-е гг. предоставили общую квартиру на втором этаже флигеля дома на Тукаевской улице. Мы занимали две комнаты, а семья Исхак абый – четыре. У Исхака абый с женой Нафисой было четверо детей: Исмаил, Мария, Хаджи-Мурат и Флора. Старший

сын Исмаил в те годы болел туберкулезом легких и большую часть времени лежал в отдельной комнате, Мурат и Мариша были моими сверстниками и друзьями по детским играм, а Флора была тогда грудным ребенком.

Исхак абый занимал высокий пост – заместитель председателя ЦИК и СНК ТССР, занимаясь вопросами обустройства городского хозяйства. Они с моим отцом были дружны и часто свободное время проводили в беседах о текущих делах и обстановке в стране. Исхак абый, к сожалению, не избежал репрессий и в 1939 г. погиб в заключении. Посмертно реабилитирован.

Сестра Исхака Казакова Умугульсум была матерью выдающего деятеля национально-освободительного движения татарского народа Мулламура Вахитова, расстрелянного в 1918 г. белочехами во время известных событий в Казани».

К семье этой принадлежали и жена Салиха Сайдашева Асия Казакова, с которой великий композитор провел свои последние годы и обрел теплый дом, и жена генерала Якуба Чанышева Марьям Саинова.

Казань стала для Хаджи-Мурата родным городом не сразу. Появился на свет он в 1914 году на Тевкелевом хуторе на берегу реки Сакмары близ Оренбурга, где в ссылке находились его родители. С 1911 года начались гонения на активных представителей татарской интеллигенции, а Исхак Казаков и вовсе печатал брошюры РСДРП. Тевкелевы хутора – места исторические и накрепко связаны со свободными людьми. Здесь 1 октября 1773 г. останавливалось на дневной привал войско Емельяна Пугачева; отсюда оно отправилось к Каргалинской слободе. Тевкелевы хутора упомянуты в архивных заготовках к пушкинской «Истории Пугачева».

Жили Казаковы и в родной Казанской губернии, в Тетюшах, где Исхак учительствовал.

Впоследствии Хаджи-Мурату довелось знать и иные города, учиться в Репинском художественном институте в Ленинграде, в Киеве, где пришлось по состоянию здоровья продолжать обучение. Потом был фронт – вплоть до Кёнигсберга и Дальнего Востока, тяжелое ранение, послевоенная жизнь в Бугульме и Бавлах. Художественное обучение он продолжал в Казанском художественном училище, а завершил в Риге. 1950–52 гг. он провел в Киргизии. Хаджи-Мурату легко давались языки, не только близкий к родному киргизский, но и украинский или немецкий.

Все дороги возвращали в Казань. Здесь жизнь художника и завершилась в ноябре 1984 года.

Судьба Мулламура Вахитова нашла неизбежное отражение в творчестве Хаджи-Мурата Казакова, в его графике. И хотя будущий художник родился в 1914 году, а Вахитов героически погиб в августе 1918 года, память о своем знаменитом родственнике хранили в казаковской семье – это передавалось маленькому татарскому мальчику с именем толстовского горца Хаджи-Мурат. Фактически в советское время вся история семьи

Казаковых свелась к мужественному, но и во многом испытанному мифологическую ретушь идеологии образу Мулламура. Слово оправдание всему «буржуазному» роду, рассеянному по разным городам и весям. После ареста и гибели отца образ Мулламура стал для Хаджи-Мурата и по настоящему спасительным. Татарский интеллигент Хаджи-Мурат Казаков, хранивший в течение долгих лет оставшиеся от родителей номера газеты Гаспринского «Терджиман», много знавший и помнивший, именно в родстве и сопричастности главному революционному герою советского Татарстана находил примирение с обстоятельствами. В 1947 году он идет на риск: будучи сыном репрессированного, публично заявляет о себе, представляя первую заметную картину, посвященную Вахитову. Риск себя оправдал – удалось стать профессиональным художником. В не менее тревожном 1950 году он повторяет подобный шаг, создав портрет Якуба Чанышева.

Но главным и протяженным в творчестве для Хаджи-Мурата явился Тукай – и персонажи из его произведений, и разные подступы к созданию его портрета. Тут надо заметить, что богатая иконография образа Тукая в изобразительном искусстве не развивалась линейно, испытывая творческие удачи и очевидные провалы. Речь не только о бодрых социалистических (из цикла «правдивые весны»), но и о многих современных – искусственных, салонных полотнах.

Впрочем, удач было больше. Взять хотя бы замечательную картину казанского художника-фронтовика Виктора Куделькина «Тукай в Кырлае» (1979). Или работы Баки Урманче. Ведь великий мастер сам видел Тукая: «Мы обычно сидели по группам, пили чай, разговаривали. Иногда в нашу чайхану заходили Габдулла Тукай и Фатих Амирхан. Амирхан был веселый, остроумный, всегда втягивал нас в разговор. А Тукай был очень скромный, было ощущение, что он даже нас, мальчишек, стесняется. Всегда молчал, только улыбался», — вспоминал Баки Урманче много-много лет спустя.

Или серия графических тукаевских портретов, тончайше выполненных казанской волшебницей Ирины Колмогорцевой (1930–2015), удостоенной в последний год своей жизни премии им. Тукая.

Работа Хаджи-Мурата Казакова иная, не о коротком поэтическом пути, а о детстве. Картина навеяна знаменитыми тукаевскими строками из пронзительной автобиографической повести «Что я помню о себе» (1909): «...Если иногда во время игры проголодаюсь, то влезу через боковое окошко в дом и поем оставленные для меня матерью картошку и ломоть хлеба».

Закономерно, что художник стремился вызвать у зрителя умиление, сострадание, что неизбежно придало картине избыточную сентиментальность. Здесь для меня возникло неожиданное созвучие с недавно увиденным (но снятом еще в 1975 году) киргизским фильмом «Белый пароход» по одноименной повести Чингиза Айтматова. Также – сюжет о мальчике-сироте, хоть и не одиноким на белом свете, а имеющем свою точку опоры заботливого и мудрого дедушку. Режиссер Болот Шамшиев выбрал маленького актера-ребенка и выстроил его роль с явным желанием вызвать сильные чувства у зрителя, усиливая и ослабевая напряженную драматургию сюжета. И это уже не повесть-притча на полтонах, со столь характерным для Айтматова таинственным слиянием человека и природы, бытового и возвышенного, а интерпретация, созданная по законам массового зрительского кино (что еще более усилилось при дублировании на русском языке, когда градус сентиментальности зашкаливал). «Маленький Апуш» Казакова тоже из числа произведений прямого диалога, скорее иллюстрация к повести, нежели самоцен-

Хаджи-Мурат Казаков в годы войны

ная картина. Но она нужна людям, раз живет уже более 60 лет, вызывая отклик в их душах, напоминая о судьбе Тукая. Примечательно, что первыми зрителями произведения стали товарищи Хаджи-Мурата Казакова поэт Сибгат Хаким и писатель Гариф Ахунов. Именно их художник позвал в свою квартиру, расположенную близ Дома печати на улице Баумана, хотел быстрее поделиться созданной картиной. Приведя в комнату, он просил гостей закрыть глаза, нашел верное солнечное освещение от окна и, наконец, представил работу. Восторг Гарифа Ахунова не был предела. Он посчитал картину «Маленький Апуш» шедевром, говорил Казакову, что именно таким представлял себе кыргызское детство Тукая.

Прошло больше 60 лет. Подобные прямые картины-напоминания и сейчас нужны, когда в изобилии и доступности информации теряется ценное и очевидное, а многие юные соплеменники Тукая не способны прочесть его строк в оригинале... А лишь зная свой родной язык, они прочтут такое трогательное название картины – «Бэлакэй Апуш».

Но необходимы и уточненные, изысканные напоминания о жизни нашего великого поэта. Разные дороги ведут в его мир. В московском музее Брюсова прошедшей осенью довелось мне услышать стихотворение известной поэтессы Фаины Гримберг, посвященное Тукаю. Фаина – принадлежащая еврейскому и татарскому народу, родившаяся в Акмолинске (кто знал в 1951 году, что в этом степном захолустье спустя полвека возникнет роскошная столица Казахстана), проведшая детство и юность в Ташкенте, знающая, кажется, все на свете, включая классическую татарскую литературу – повесть Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова. И Тукай конечно.

Весна наступила, апрель – тукаевский месяц начала и конца. Поэтому особенно уместно прочитать это необычное, непривычное стихотворение. И помнить Тукая в весенние дни и всегда. Он наш компас земной.

КАЗАНЬ

Ты улыбаешься, не разжимая сжатых губ,
но грустные смешливые глаза,
Вытянутым похуевшим лицом ты смотришь на меня.
Ты постригся так коротко,
что кажется будто голова обрита по болезни.
Ты похож на умирающего от чахотки –
пусть Аллах сохранит тебя от таких болезней! –
татарского поэта из самого начала двадцатого века.
Ты смотришь немного жалобно
почему-то,
Ты смотришь так,
как будто
ты никогда не учил в школе басню
о maître Corbeau и maître Renard,
никогда не читал Les cloches и Frère Joconde,
никогда не проходил мимо Лувра,
и не выходил из метро в Сен-Дени,
А приехал из деревни Яик,
из деревни Кушлявыч,
из деревни Кырлай,
из деревни Училе,
в город Казань
морозной зимой жестокой
в снях,
кутаясь в бараний полушубок,
бормоча полупшепотом
только что пришедшие в голову строчки
своих стихов.
Татарский парень
в бархатной тюбетейке,
в черной жилетке,
вышитой цветными нитками,
в шароварах,
заправленных в сапоги.

Марат Ширинский

ДОРОГИЕ МОСКВИЧИ И ГОСТИ СТОЛИЦЫ

О Музее Москвы и его филиалах, новых форматах экспозиционной и выставочной работы в нашей газете уже подробно рассказывалось (2018, № 11). Особая часть музейного комплекса - Центр Гиляровского, открытый совсем недавно в Столешниковом переулке, но быстро ставший важной культурной площадкой города.

Очередной повод посетить музей - работающая этой весной выставка «Дорогие москвичи и гости столицы».

Форм рассказа об истории многонациональной Москвы очень много, и сложно без банальностей и общеизвестной информации представить (а тем более, художественно осмыслить) этническую картину города. Поэтому кураторы выставки Полина Жураковская и Мария Сакирко отталкивались в своей концепции не от привычных перечислений разных народов, населяющих Москву. В помощь им была историческая топонимика города. О том, что Москва всегда была открытым городом и в нее приезжали люди разных национальностей, напоминают улицы и исторические местности: Татарские и Грузинские улицы, Армянский переулок, Лефортово, Шведский тупик, Маросейка и многие другие. Каждый день, проходя по ним, горожане воспринимают улицы и переулки в качестве ткани Москвы, неотъемлемой части не только её прошлого, но и сегодняшнего дня.

Подобный выставочный подход позволил пригласить посетителей в увлекательное путешествие по городу, демонстрируя картины жизни разноязыких москвичей, сохраняющих свои традиции, но ставших частью современного мегаполиса. В этом важная миссия выставки - рассказывая о наших особенностях, подчеркивать нашу общность, следуя и аристократическому утверждению - «Город - единство непохожих».

В отличие от многих крупных городов мира (например, западноевропейских) в Москве не сложились особые замкнутые этнокарты. Такая закономерность была присуща Москве и в прошлом, ведь известные всем слободы (Татарская, Грузинская, Немецкая) фактически не были закрытыми поселениями; их жители постоянно взаимодействовали с другими москвичами, а к середине XIX века «границы» этих местностей стали весьма условными. Город развивался вместе со всеми своими обитателями, естественным образом складывая свою мозаику. Об этом, кстати, очень интересно рассказывает в своих исследованиях известный востоковед Фарид Асадуллин.

Но в современном музее важно не только рассказать, но и показать. Приватность и камерность выставке придает, помимо уютного пространства Центра Гиляровского, и умелое использование семейных собраний, колоритных артефактов начала XX века - фотографий, предметов быта, рекламных открыток (например, продукции парфюмерного короля России француза Брокера, прожившего в Москве 39 лет, или немцев-кондитеров Эйнем). Столь характерное для проектов подразделений Музея Москвы стильное, лаконичное оформление с чувством меры позволяет погрузиться в повседневную жизнь горожан иных эпох без дидактизма и излишней академичности. При этом вся визуальная часть и тексты выполнены с привлечением ведущих исследователей-востоковедов и соотносятся с новейшими научными исследованиями этнической истории города.

Другая важная идея выставки - тотальные миграционные корни современных москвичей. Демографические работы убедительно свидетельствуют, что подавляющее большинство современных московских семей еще два поколения назад не были связаны с Москвой. Миграция - неотъемлемая составляющая ее истории и современности. С самого начала существования Москвы, на каждом этапе ее развития были «приезжие», чьи местные воспринимали как «чужих», но их потомки вливались в жизнь города, становясь «своими». Этот бесконечный процесс - данность любого большого города, усилившийся в эпоху глобализации и мобильности населения. О том, как устроен процесс миграции,

что характеризует быт и повседневность трудовых мигрантов в Москве и какие практики интеграции мигрантов возможны в мегаполисе, - отдельный раздел выставки, подготовленный Центром исследований миграции и этничности РАНХиГС при кураторстве известного исследователя данных социальных процессов Евгения Варшавера.

Современная часть выставки - это миграция и городская динамика глазами сегодняшних жителей города. Здесь представлена «живая история» реальных людей, наших современников, в разное время переехавших в Москву. Умелое соотношение исторической и современной частей делает выставку не только познавательной, но и полезной, рассказывая посетителям о жизни людей, занятых ныне в разных сегментах городской экономики. Когда-то подобный трудный путь ощутили предки каждого из нас.

Куратор выставки Мария Сакирко: «Приезжая в Москву, каждый по-своему выстраивает отношения с новым пространством - то прорастая в него, то отстраняясь от него. Миграция размывает образ дома, который оказывается одновременно и «там», и «здесь», вмещает в себя и прошлое, и настоящее, и ожидание будущего, наполняется с одной стороны влиянием мегаполиса, а с другой - сохраняет элементы традиционной кухни, одежды, предметов, религиозных и семейных ритуалов. Время непрерывно переопределяет эти отношения и связи: оно трансформирует память о родном городе и о некогда привычной среде, одновременно меняя восприятие нового пространства - Москвы - и по-новому расставляя в нем акценты».

Выставка в центре Гиляровского посвящена не только миграции с этническими сюжетами. Сюжеты эти могут быть и об очень разных русских людях - знаменитых и совсем неизвестных, ставших москвичами. Владимир Маяковский, приехавший в Москву в 1906 году из Кутаиси. «Родился я в 1894 году на Кавказе. Отец был казак, мать - украинка. Первый язык - грузинский. Так сказать, между тремя культурами». У Маяковского, привнесшего в круг футуристов интерес к кавказской бытовой культуре, были свои, весьма радикальные планы переустройства буржуазной Москвы.

Или выдающийся москвовед, доктор исторических наук Петр Васильевич Сытин (1885-1968) - по рождению одессит, учившийся в Феодосии, а уже с 1913 года - заведующий Музеем городского хозяйства Москвы - предшественника современного Музея Москвы. С 1920 года Сытин возглавлял Комиссию по переименованию улиц Москвы, активно занимался изучением истории московских улиц и площадей. В 1926 году организовал выставку, посвященную истории Москвы, разместившуюся в Сухаревой башне, предлагая создать вокруг башни историко-архитектурную зону. Увы, Сухареву башню отстоять ему не удалось, но десятки других «малых» дел по спасению, изучению, фотофиксации московских архитектурных памятников - заслуга Петра Сытина.

Или частные судьбы москвичей, сбереженные лишь благодаря усилиям и памяти родных.

Куратор выставки Полина Жураковская: «В Музее Москвы иногороднее и иноземное культурное влияние прослеживается через коллекцию. Это московские альбомы семей, хранящие фотографии близких людей из далеких родных мест; уникальный сервиз князей Грузинских, рассказывающий поистине детективную историю и рода, и самой посуды; автографы, личные вещи, фотографии и картины знаменитых москвичей, для которых Москва стала хоть и не родным, но дорогим и любимым городом - например, Владимира Маяковского, Рейнгольда Глизера и даже самых знаменитых москвоведов Петра Сытина, Владимира Гиляровского, Аполлинария Васнецова. В Музее Москвы хранится большая частная коллекция рода Бахрушиных, происходящего от касимовского татарина Бахруша. А ведь Александр Бахрушин - один из 26 почетных граждан Москвы, причём едва ли не самый деятельный москвич в этом списке».

Ахмед Кастров с женой Хадичей Ерзиной и сыном Хасаном

Особый стенд выставки посвящен Большой Татарской улице, татарам Замосворечья. На афишу выставки, которая встречает гостей на фасаде Центра Гиляровского, размещена на разных интернет-ресурсах татарская фотография. Это фото хорошо известно нашим читателям, поскольку в газете «Татарский мир» часто публикуются материалы, посвященные купеческим династиям: Ахмед Хайруллович Кастров с женой Хадичей Салиховной Ерзиной и сыном Хасаном в самом начале XX века в известном в старой Москве фотоателье Волкова. Спустя век, в течение нескольких весенних недель образы этой татарской семьи будут жить среди нынешних москвичей.

К проведению выставки приурочили и большой экскурсионный фестиваль «Москва этническая» от Городского экскурсионного бюро, включающий автобусно-пешеходные экскурсии «Традиционные религии в Москве: Западные христиане», «Традиционные религии в Москве: армяне, айсоры, восточные патриархи, мечети», «Немцы в Москве: Немецкая слобода и Введенское кладбище».

Познавательные встречи в разных частях города проведут специалисты Музея Москвы и приглашенные исследователи. Например, в конце марта заместитель главного редактора нашей газеты, кандидат педагогических наук Марат Сафаров отвел экскурсантов в Татарскую слободу в восточной части Замосворечья. По Грузинской слободе на Пресне участники экскурсии прогулялись с Марией Никитиной - историком, научным сотрудником Музея Москвы. Еврейский мир города изучается с Артуром Клемпертом - специалистом по истории московской еврейской общины. А желающие увидеть Москву малороссийскую еще могут присоединиться к экскурсии историка Павла Гнилорыбова. Мария Калиш проведет экскурсантов по Армянскому переулку, где сохранилось здание знаменитого Лазаревского института - одного из центров отечественного востоковедения. Завершит фестиваль виртуальная прогулка «Поляки в Москве» в Центре Гиляровского, на ко-

торую участников пригласит москвовед Олег Василюк.

5 апреля в рамках выставки пройдет научная конференция «Северо-Восток Москвы: этноконфессиональная мозаика». Выбор этой части города для изучения не случаен. Северо-восточная окраина Москвы, дачные поселки и деревни, расположенные вдоль Северной (Ярославской) железной дороги, с начала XX века становились центром притяжения различных этноконфессиональных групп. Здесь начали компактно селиться евреи и татары, а еще ранее - старообрядцы разных согласий. Транспортная близость к центру Москвы, возможность приобретения жилья, и в тоже время - привычный для выходцев из традиционного общества «провинциальный» облик и быт предместья Москвы формировали особую картину урбанизации. Относительная компактность расселения, сфера занятий новых жителей пригородов (торговля, сфера услуг) позволяли им сохранять элементы привычной культуры, включая приверженность религиозной обрядности. Особая и иная по своему возникновению устойчивая социальная группа - немцы-дачники, приехавшие в местные поселки на летние сезоны. Подобный уклад был характерен и для иных пригородов Москвы, например, расположенных вдоль Казанской и Московско-Курской железных дорог (Перово, Малаховка, Салтыковка), становясь моделью расселения (фактически уже московских) этноконфессиональных общин.

Актуальные способы рассказа об истории города, о его многообразии и динамике - важная часть современной культурно-образовательной политики Правительства Москвы, профильных департаментов. В этом залог развития города, его открытого, позитивного образа одной из мировых столиц.

Выставка «Дорогие москвичи и гости столицы» продлится в Центре Гиляровского Музея Москвы до 12 мая. Адрес: Столешников переулок, дом 9, стр. 5.

Мечеть на Большой Татарской улице. Художник Андрей Сергунькин

Эльмир Низамов:

Моя родная культура – навсегда со мной.

Эльмир Низамов не устает будоражить публику своими музыкальными экспериментами. Он, как Фигаро, успеваеет везде: преподает композицию в Казанской консерватории, сочиняет оперы и эстрадные песни, пишет музыку к драматическим спектаклям и при этом очень активно общается со своими подписчиками в социальных сетях. Его дебютный мюзикл «Алтын Казан» («Золотой Казан») был удостоен премии им. Мусы Джалиля, опера «Кара пулат» («Черная палата») получила премию «Тантана», певец Айдар Сулейманов с его песней «Атлар чаба» («Кони скачут») занял второе место на конкурсе «Тюрквизн».

Хореографический спектакль «Әлиф» на музыку Низамова принес исполнителю главной роли Нурбеку Батулле «Золотую маску» и летом отправится на театральный фестиваль в Мексику. Недавно в Москве у композитора с успехом прошел большой авторский концерт в музее им. А. Н. Скрябина. Лейсан Ситдикова и Марат Сафаров встретились с композитором, чтобы поговорить о современной татарской музыке и предстоящих премьерах.

©родителями

через дорогу от консерватории. Мы с ним встретились, пообщались и потом еще не раз я писал музыку на его тексты. А с Ренатом Харисом у меня было нацеленное знакомство. Я решил представить в виде диплома музыкально-сценическое произведение – оперу. И тогда мой профессор познакомил меня с Ренатом Магсумовичем. Я пришел к нему в гости и просидел пять часов: показывал свою музыку, играл, мы пили чай, рассказывал ему о своих ульяновских корнях, снова играл, снова пили чай. В итоге он мне сказал: «Еще вчера я сомневался в тебе, а уже сегодня точно могу сказать, что мы будем с тобой работать». И он написал либретто к «Алтын Казан», после чего у нас завязалась с ним тесная дружба и сотрудничество. В последние годы я стал открывать для себя молодых поэтов. Люблю работать с Резедой Зайниевой – женой драматурга и режиссера Ильгиза Зайниева. Я вообще дружу с этой семьей. Новый год встречал у них. Они для меня как брат и сестра.

- А с Татарским государственным оперным театром планируются совместные проекты?

- С нашим театром мы вечно в затяжных переговорах. Сейчас они поставили оперу «Сююмбике» на музыку Резеды Ахияровой и пока на этом остановились. Но я думаю сотрудничество с нашим театром это просто вопрос времени.

- Что вы думаете по поводу возможности создания татарского музыкального театра в Казани? Решение наверху вроде бы принято, но пока непонятно, где и когда это случится.

- Музыкальный театр для развития татарской культуры необходим как воздух. У нас огромный пласт музыкантов, артистов, композиторов, которые созрели, но пока не имеют возможности реализовать себя полностью. У меня, например, постоянно спрашивают: «Где можно посмотреть «Кара пулат»? К сожалению, нигде. Надеюсь, все переменится к лучшему.

- Может быть поэтому вы так напряженно и много работаете с драматическими театрами республики, которые буквально не оставляют вас в покое. Три спектакля с вашей музыкой идут в Альметьевском театре, шесть – в Камаловском...

- Татарстан – это такая, я бы сказал, театральноцентричная республика. Практически в каждом городе или даже районном центре свой театр. Последние три года я действительно много работаю с театром и в основном это все спектакли философские, все дра-а-амы. И вот недавно в Камаловском театре поставили музыкальную комедию «Бию пәрие», для которой я с удовольствием написал музыку. Билетов не достать, видимо, зрители соскучились по незамысловатым легким сюжетам. Если говорить о планах, то вот-вот, в середине апреля, в Камаловском с моей музыкой выходит спектакль «Исэнмесез! Живы ли вы?!» в постановке

Фарида Бикчантаева. Изначально автор пьесы Мансур Гилязов задумывал ее как киносценарий, но по просьбе театра адаптировал под запросы сцены. Это такая драматичная история двух поколений татарской семьи.

- Эльмир, чью музыку вы можете слушать бесконечно и не устать? Есть ли любимый композитор?

- Выделить только одного композитора не могу. Но абсолютно точно – на меня очень сильно повлиял Рахманинов. Когда я был еще ребенком, мой педагог, с которым я занимался композицией и фортепиано, приносила мне слушать кассеты с музыкой Рахманинова. Позже я понял, почему она это делала: тем самым она во мне пробуждала большую любовь к музыке. И я настолько проникся Рахманиновым и полюбил фортепиано, что занимался по пять часов в день. Этот композитор попросту влюбил меня в этот инструмент и в музыку.

- А среди татарских композиторов кого-то выделяете? Кто вам ближе Жиганов или Яхин?

- Это очень разные композиторы. Жиганов, конечно, – глыба. Нет другого композитора, который бы так органично вплел народную музыку в симфонизм. И если говорить об операх, симфониях и других крупных формах, он, безусловно, лидер. Яхин – это гений миниатюры. Его музыка с одной стороны очень изысканна, с другой стороны – близка и понятна народу. Только гений на такое способен. Раньше я часто ездил на семинары для композиторов в Рузу, где мы смотрели огромное количество партитур и слушали ультрасовременную музыку. И в один из вечеров нам поставили фортепианный концерт, звучащий очень авангардно. Как же удивился, когда узнал, что это музыка Гершвина. Он органичен, когда пишет «Порги и Бесс» и когда создаёт атональную музыку. И я вывел для себя понятие «большой музыки», актуальной для всех и всегда. Такой универсальный Бах. И таким музыкантом мне кажется Яхин. Есть большая музыка вне жанров, стилей и направлений, которую могут исполнять и на финале премии «Грэмми» и на семинарах современных композиторов. Она просто трогает тебя и все. И я для себя поставил задачу – попытаться стать таким композитором.

- Недавно в Казани вы впервые выступили вместе с Мубаем, одним из самых интересных татарских исполнителей. Почему именно он?

- Мубай – маг и кудесник, услышать свою музыку в его исполнении особое счастье и наслаждение. В нем есть и что-то народное и экспериментальное одновременно. К сожалению, не так много у нас на татарской эстраде таких музыкантов, как он...

- Как вы думаете, случится ли долгожданный ренессанс национальной музыки? Когда появятся новые интересные музыканты и исполнители на эстраде?

- На этот вопрос не просто ответить. Если в академической музыке многое зависит от композитора, от автора, и потом только от исполнителя, то в популярной музыке

огромную роль играет слушатель. Видимо, мы заслуживаем ту эстраду, которую имеем. Это отражение наших вкусов. Таких музыкантов как Мубай, Зуля Камалова, группа «Джуна» – единицы, и они не так видны, потому что публики, которая могла бы оценить их музыку, не много. Очень важно работать с нашими слушателями, воспитывать их.

- Эльмир, еще одна сфера вашей работы – преподавательская деятельность. Что она вам дает?

- Я окончил Казанскую консерваторию и за годы учебы приобрел много друзей. Когда меня пригласили преподавать на кафедру теории музыки и композиции, очень обрадовался: всегда чувствовал, что люблю преподавать. Это отнимает много времени, бесспорно, но как сказал однажды мой учитель философии, вероятно процитировав кого-то: «Знания, которыми не поделились, это потерянные знания».

- Значит, вам нравится преподавать?

- Я получаю удовольствие тогда, когда прихожу на экзамен или концерт, и ученик показывает музыку, которая звучит интересно. В этот момент переполняет какая-то другая радость, радость за своего ученика – она особенная. Недавно у нас была оперная лаборатория в Казани и одна из моих первых выпускниц Ляйсан Абдуллина показала свою первую камерную оперу, которую написала самостоятельно, и она звучала очень профессионально. Я подумал: значит, не зря работал. Вообще очень люблю Казанскую консерваторию, помимо того, что ты там преподаешь, общаешься с музыкантами, которые там работают, придумываешь совместные проекты. Это же творческий вуз, не просто обучение.

- А что вам дает членство в творческих союзах композиторов – в российском и республиканском, ведь сегодня они лишены политических и административных функций?

- Я не буду рассуждать о том, как это было во времена СССР, могу сказать только за Союз композиторов Татарстана, поскольку вижу его работу с близкого расстояния. Это дает возможность участвовать в интересных проектах. Например, недавно председатель Союза композиторов России и Татарстана Рашид Калимуллин вернулся из Новой Зеландии, где был организован концертное исполнение произведений наших авторов, в том числе и моих. Нам пусть и нечасто предоставляют возможность записи своих произведений, раз в год производят закупку сочинений. Возможно, это не очень большие деньги, но несомненное подспорье. Ведь самое ценное для композитора, чтобы его музыка звучала. Благодаря таким проектам тебя узнают и появляются заказы и концерты. Важно, чтобы твое имя было на слуху. Например, в марте в Москве в Доме Пашкова в числе других авторов мои произведения на стихи репрессированных поэтов прозвучали в исполнении Государственного русского хора им. Свешникова. В июне с певицей Эльмирой Калимуллиной, с которой мы очень много работаем, будет большой концерт в Германии в городе Брауншвейге.

© дирижером Александром Сладковским в Монте-Карло

- Эльмир, принято заканчивать интервью вопросом о планах, но за вашим творчеством так трудно уследить, что мы, пожалуй, с него начнем. Над чем вы сейчас работаете?

- 27 апреля в итальянском городе Лукка пройдет премьера моей камерной оперы «Зеркало», которая посвящена Рудольфу Нуриеву. Она будет открывать фестиваль Пуччини в родном городе композитора.

- Кто написал либретто?

- Мой постоянный и любимый соавтор, с которым написаны «Алтын Казан» и «Кара Пулат», народный поэт Татарстана Ренат Харис. Изначально либретто писалось на татарском языке, затем было переведено на английский. Исполнять оперу будут итальянские музыканты.

- Услышим ли мы ее на языке оригинала?

- Надеюсь. Посмотрим, как пройдет премьера.

- В основном свои произведения вы пишете на очень хорошую поэзию. Расскажите, как складывались ваши взаимоотношения с народными поэтами Республики Татарстан Ренатом Харисом и Равилем Файзуллиним.

- По-разному. Представляете, я даже не знал, что Равиль Файзуллин наш современник. У нас были уроки татарского языка в Казанской консерватории и на одном из них я сказал, что хочу написать романс на татарский текст, но не Тукая или Джалиля, а на что-нибудь из поэзии наших дней. Учитель дала мне целую стопку книг. Среди них я почему-то выбрал одно стихотворение Файзуллина. Мы записали романс и спустя какое-то время преподаватель говорит: «Эльмир, я вчера встретила Равиля Габдрахмановича, и он очень заинтересовался твоим романсом, хочет послушать». Я оторопело переспрашиваю: «Кого встретили? Файзуллина?». Оказалось, что он прекрасно себя чувствует и живет чуть ли не

- Эльмир, вы родились в Ульяновске и окончили местное музыкальное училище. Почему вас потянуло именно в Казанскую консерваторию, а не в Московскую, например?

- Я ездил и в Москву, и в Казань - приглядывался. И мне на тот момент показалось, что в Казани я нужнее. В Ульяновске проживает очень много татар, но в целом город все-таки русскоязычный. Когда я оказался в Казани, для меня потрясением было услышать родную речь не только дома, но и в автобусе, в магазине... Даже вывески на татарском языке. У меня было ощущение, что я приехал на родину. Корни - то мои здешние - родители родились и всю юность прожили в Дрожжановском районе Татарстана, так что я чистый мишарин. Мы разговариваем на своем диалекте. Однажды известный этнограф Геннадий Макаров услышал, как я с мамой разговариваю по телефону на родном языке, он чуть в обморок не упал: «Эльмир, ты же этнографический кадр. Это все надо записывать и исследовать». Я ему: «Вы приезжайте в Татарские Шатрашаны, там таких кадров, как я, вся деревня».

Эльмир Низамов с поэтом Ренатом Харисов

- Помогает вам осознание национальной идентичности в творчестве?

- Очень люблю путешествовать, часто посещаю мастер-классы и семинары за рубежом, а когда находишься на чужбине, с особой теплотой и трепетом начинаешь относиться к тому месту, где можешь говорить на родном языке, где живет твой народ. Помню, как приехал на свою первую стажировку в Вену на две недели. В плеере у меня были романсы Яхина в исполнении Хайдары Бегичева. Я их и в Казани слушал, но почему-то именно в Вене как-то совершенно по-другому ощутил эту музыку, гораздо глубже. Когда оказался в атмосфере другой культуры, стал собственную культуру воспринимать с еще большей любовью. И когда я пишу музыку, пишу немного с другим отношением, она получается другой. Может, это нескромно звучит, но я даже чувствую некоторое преимущество перед другими композиторами. Именно потому, что у меня есть связь с корнями, с фундаментом. Когда учился в консерватории, писал очень много ультрасовременной музыки, и в какой-то момент возникло ощущение тупика. Ну а что дальше? Один фестиваль, другой... Я чувствовал, что этого мало и тут для меня открылся мир национальной музыки, мир татарского театра - и это стало спасением. Если задуматься, почти все выдающиеся композиторы с национальной основой. Даже в серьезной академической музыке у них есть что-то близкое для простого народа. Можно привести как пример музыку Микаэла Таривердиева или Гии Канчели...

- Татары любят говорить про моң.

- Совершенно верно, но чаще - в рамках традиционной татарской музыки. Но мы должны преобразовывать его и в формы. Даже в экспериментальном проекте «Элиф» для меня есть моң. Культура должна развиваться, а не консервироваться. Татарская музыка должна жить в хип-хопе, в рэпе, в современном театре. Татарский язык - полноценный язык, который должен звучать везде, на нем можно и нужно говорить обо всем. И я стараюсь придерживаться этого принципа в своем творчестве. И очень рад, что оказался в Казани и впитал в себя татарскую культуру. Куда бы я сейчас не поехал, где бы ни жил, но Татарстан, Казань, моя родная культура - навсегда со мной, она внутри меня.

Камиль Тангалычев, народный поэт Мордовии

Животворная речь - на двоих...

Равиль Файзуллин (слева) и Камиль Тангалычев

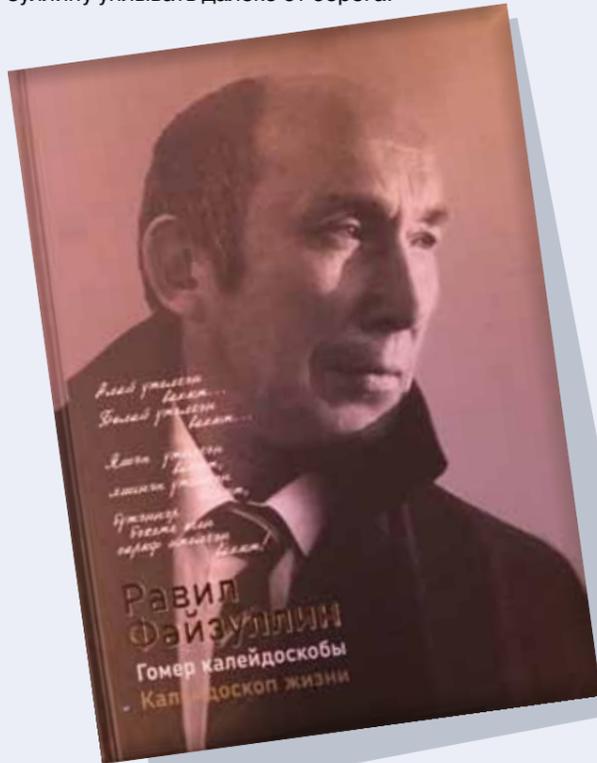
Если встретишь татарского писателя даже на краю земли, непременно будешь говорить с ним о Родине, о родном народе, о языке, о нашем месте в мировой истории. Такой была и моя недавняя встреча в Сочи на Фестивале современной журналистики «Вся Россия - 2018» с народным поэтом Татарстана, советником генерального директора АО «Татмедиа» Равилем Абдрахмановичем Файзуллиным.

На этом мероприятии, проходящем ежегодно на берегу Черного моря, я встречаюсь с ним уже не впервые. После такой нашей встречи в Сочи в 2004 году Равиль Файзуллин, возглавлявший в то время журнал «Казан утлары», выпустил в этом главном издании татарской литературы большую подборку моих стихов в переводе на татарский язык. Это было его добрым порывом, к тому времени уже знавшего меня по различным публикациям в печати.

Равиль Файзуллин - известный татарский поэт и публицист, автор десятков сборников, среди которых - «Саз», «Мой звездный час», «Свет в зерне», «Лунные тополя» и другие. Лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая, Государственной премии имени Мусы Джалиля. Награжден орденом Дружбы народов. Его стихи вошли в «Библиотеку всемирной литературы». В 60-е годы 20 века был одним из самых молодых членов Союза писателей СССР в огромной стране. Недавно в Казани к 75-летию поэта вышла большая книга-альбом «Калейдоскоп жизни», красочно рассказывающая о его жизненном пути. Он показал мне эту книгу в Сочи в перерывах между работой и отдыхом на берегу моря.

Равиль абый замечательно плавает. В Татарстане на реках Волга и Казанка, на озерах по инициативе поэта ежегодно проходят «Файзуллинские плавания». И в этом году в дружеском заплыве на три километра первым приплыл семидесятипятiletний Равиль Файзуллин. Это была уже традиционная для него победа.

Вот и в Сочи мы оба между мероприятиями Фестивала находили время для того, чтобы прийти к морю - к могучей и неповторимой стихии. И в часы шторма только строгий свисток дежурного спасателя не позволял Файзуллину уплыть далеко от берега.

Искушавшись, под шум морских волн, под еще ласковым даже в октябре южным солнцем мы говорили по-татарски о современной литературе. Вспоминали хорошо знакомые нам обоим имена Ильдара Юзеева, Хасана Туфана, Сибгата Хакима, Рената Хариса, Туфана Миннуллина, Мударриса Агямова, Рината Мухаммадиева, Зиннура Мансурова, Роберта Миннуллина, Ркайля Зайдуллы, Газинура Мората и многих других татарских писателей. Вспоминали и близких нам русских поэтов двадцатого века - Николая Рубцова, Владимира Соколова, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина, Игоря Шкляревского. Я расспрашивал Файзуллина о литературной жизни Казани - о том бурлящем котле, в котором варится национально-литературная жизнь татар. Сам я довольно далек от этого «казана», но тем не менее из-за некоего национального любопытства я в курсе многих казанских литературных и общественных событий. Близка мне Казань благодаря выдающейся национальной истории, Волге и замечательным людям, живущим там. Один из них - Равиль абый. По мнению Равиля Файзуллина, мое положение даже по-своему уникально: могу со стороны обозреть бурлящий татарский «казань», оставаясь независимым и самодостаточным.

Шумело море и звучала наша татарская речь, которая тоже была своеобразной стихией. Будто и море Черное в тот момент для нас шумело по-татарски. Где-то далеко была Казань, над Казанью возвышалась, неизменно возвышая историческое достоинство нашего родного народа, башня Сююмбике, к которой я всегда прихожу во время посещения Казани, прикасаюсь к ее камням. И Равиль абый непременно любит высокую башню Сююмбике, будто подпирающую над Казанью солнце. Говоря об истории татарского народа, мы и из Сочи будто видели башню Сююмбике. Татарам она видна отовсюду на свете.

Везде, где хотя бы два татарина говорят на родном языке, татарская речь - у себя дома под единым сияющим солнцем. В том числе и на вершине горы, в 2320 метрах над уровнем моря, куда я поднимался по канатной дорожке и созерцал неповторимое величие южного ландшафта, но при этом вспоминал свои равнинные просторы в Мордовии, реку Мокшу, озера; на родном языке мысленно называл гору, солнце, облака, горные растения.

И татары везде у себя дома там, где родина их предков. Равиль Файзуллин на берегу Черного моря охотно говорил со мной о Мордовии, называл священной ту землю, где родились и выросли Хади Такташ, Абдрахман Абсалямов, Шариф Камал, где и сейчас живет немало ярких, самобытных, энергичных и активных в экономике, политике, культуре людей татарской национальности. «Несколько поколений татар выросли с поэзией Хади Такташа. И для нескольких поколений татар Абдрахман Абсалямов был любимым писателем, его романами зачитывались массы людей. Татары, живущие в Мордовии, являются особенно уникальной частью нашего большого, единого народа. И своей этнической неповторимостью обогащают, делают исторически содержательнее общий портрет всего многомиллионного татарского народа». Так говорил Равиль Файзуллин и сожалел о том, что до сих пор ни разу ему не приходилось бывать в Мордовии.

Мы говорили и об уникальности татарских сел Мордовии, соседствующих с мордовскими и русскими селами, но при этом сохраняющих и родной язык, и мусульманскую веру, и национальные традиции предков. Одновременно сожалели о том, что многие татарские села, как и селения других народов, сегодня угасают.

В Сочи я подарил Равилу Файзуллину свой новый сборник «Родословная заката», где есть и стихотворение «Акчево»:

*Здесь трава шелестит по-татарски,
По-татарски и рощи шумят;
И закаты горят по-татарски,
По-татарски и грозы гремят.
Этой речи родная природа
Научилась у предков моих.
И с тех пор у земли и народа
Животворная речь - на двоих.
Звездной ночью в степи первозданной
По-татарски молчит тишина.
По-татарски грустит мирозданье,
По-татарски сияет луна.
Бог со мной говорит по-татарски,
Полнолунием во мраке звеня...
Даже русский язык по-татарски
В раннем детстве окликнул меня.*

Вот так: встретишь даже где-то далеко татарского писателя - и непременно заговоришь с ним о родном языке, о своем народе, о татарской деревне. Так недавно произошло и в Сочи - на теплом черноморском берегу под шум воды и при сиянии солнца...

г. Саранск

Фарид Сейфуль-Мулюков

(Воспоминания и отрывки из выступлений)

В 2019 году исполнится три года со дня смерти известного журналиста-международника и востоковеда-арабиста Фариды Мустафьевича Сейфуль-Мулюкова (1930-2016).

В рамках Дней Республики Татарстан в Москве в августе 2018 года на Даниловском кладбище Москвы по инициативе Полпредства Татарстана в был установлен надгробный памятник. В последние годы жизни Фариды Сейфуль-Мулюкова с Полпредством Татарстана в Москве сложились добрые, дружеские отношения. На основе его последнего прижизненного интервью кинокомпания «Вианж Продакшн» при поддержке Полпредства сняла документальный фильм «Меч королей. Сейфуль-Мулюков».

С полной версией этого интервью мы познакомили читателей на страницах нашей газеты «Татарский мир», где в течение 15 лет он являлся одним из самых активных членов редакционного совета.

Полпредство Татарстана продолжает деятельность по сохранению памяти и наследия Фариды Мустафьевича. В настоящее время вместе с кинокомпанией «Вианж Продакшн» ведется работа над созданием нового фильма об известном журналисте. В киноленте будет использован архивный материал, переданный Полпредству семьей Сейфуль-Мулюкова. В него вошли фильмы и многочисленные сюжеты Фариды Мустафьевича, его интервью с главами государств и видными общественными деятелями, интервью с ним самим и его выступления.

С этого номера газеты «Татарский мир» мы начинаем знакомить нашего читателя с наиболее интересными архивными материалами из творческого наследия знаменитого журналиста.

Дорогие и уважаемые члены ученого совета, студенты и аспиранты университета Одлар Юрд. Я испытываю чувство глубокого волнения и радости, что мне, в общем-то, журналисту, репортеру присвоено звание почетного доктора университета Одлар Юрд. Находясь в этом храме науки, науки не только Азербайджана, Кавказа, но и всего мира, я не могу не вспомнить о том, что я учился в небольшом храме науки, в Московском институте востоковедения, который закончил в 1954-м году.

И вместе со мной учились выдающиеся сыны разрушившегося Советского Союза. Такие, как незабвенный Зия Мусаевич Буниятов, с которым я был знаком во время учебы в институте. И знаком уже многие годы с его супругой Тагирой Буниятовой, которая училась в турецком отделении нашего института. Наш институт выпустил много прекрасных специалистов по самым разным языкам Востока: от японского до турецкого, арабского, малайского и других. Среди студентов, выпускников вуза, есть ученые, есть дипломаты, выдающиеся государственные деятели, такие, как Евгений Максимович Примаков, который тоже окончил арабское отделение нашего института.

Мне бы хотелось еще сказать, что с Азербайджаном у меня связаны яркие и глубокие воспоминания. Не только в связи с именами, которые я сейчас озвучил, но и с теми встречами, которые у меня проходили, и 30 лет и 50 лет назад на этой прекрасной огненной земле. Первая моя поездка в Азербайджан состоялась в мае 1958-го года. Когда по приглашению советского правительства в СССР прибыл первый президент Республики Египет Гамаль Абдель Насер. И одним из тех республик, которые он посетил, был Азербайджан. Я никогда не забуду эту встречу, которая происходила в Баку. От самого аэропорта до резиденции тысячи и тысячи людей пришли встретить первого президента Египта, руководителя крупнейшей арабской и африканской страны, носителя новых идей, вдохновивших другие арабские страны и народы, Гамаль Абдель Насера.

Вторая встреча проходила 20 лет спустя, в 1978-м году. Когда в Баку проходила международная конференция солидарности с народами Азии и Африки. Эту конференцию открыл и выступил на ней с большим докладом тогда 1-й секретарь ЦК компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев. Вот тогда я и познакомился с великим сыном азербайджанского народа. Через несколько лет я сопровождал Гейдара Алиевича в его поездке на Ближний Восток в Сирию, в один из самых острых моментов ближневосточного кризиса. Этот визит состоялся вскоре после израильского вторжения в Ливан в 82-м году, когда Москву волновала судьба Ливана, Сирии и других арабских стран. И ситуация в этом регионе была настолько критической, что могла возникнуть очень большая ближневосточная война, которая бы поразила весь этот регион, и принесла бы еще более неисчислимые жертвы и страдания не только народам Ливана и Сирии, но и всего арабского мира.

И во время этого визита с тогдашним президентом Сирии Хафезом Асадом, председателем исполкома Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом и другими арабскими политическими и государственными деятелями Гейдар Алиевич проявил глубочайшее знание ситуации в этом регионе. И продемонстрировал новые политические подходы к решению этого кризиса. Уже в Москве я узнал, что его поездка получила высокую оценку тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР и генерального секретаря ЦК компартии Советского Союза Юрия Владимировича Андропова. Визит никого другого, кроме

Гейдара Алиева, не мог быть таким своевременным и результативным в тех условиях. Он был достойным посланником великой страны в тот регион, который мы поддерживали уже многие годы.

Находясь в Баку вот в эти дни, я как бы вновь и вновь перебираю воспоминания прошлых лет, и ту работу, которую мне довелось проделать вместе с моими коллегами, работниками телевидения. Мы делаем совместное дело не только в области информации, но и в области общения между различными народами, сближая наши культуры.

Встречаясь с моими друзьями, коллегами и просто с незнакомыми людьми в Баку, я все больше убеждаюсь, что Азербайджан обладает огромными интеллектуальными силами, способностями народа решить те проблемы, которые стоят перед ним, которые поставил перед своим народом, перед обществом президент Азербайджана Ильхам Алиев. И мы в Москве знаем, каких успехов добился Азербайджан, прежде всего, в экономической сфере, в культурной сфере и в научной сфере.

И вот сегодня я воочию убедился, что в такой важной для народа области – в области науки, образования – Азербайджан действительно добился потрясающих успехов. Постсоветском пространстве большая редкость такие учебные заведения, как университет Одлар Юрд. Не только по красоте этих помещений, этого конференц-зала, но и по содержанию всей той работы, которая ведется в рамках этого университета. Ваш университет не замкнулся в рамках узко национальной науки, а вышел на передовые рубежи современной науки, связанной и с важнейшими научными центрами Великобритании, Соединенных Штатов, Турции, Москвы, других государств и столиц мира – это очень важно. Потому что в науке, в культуре не может быть, и не должно быть барьеров. Всякие барьеры мешают общению, развитию науки, развитию культуры, и, в конечном счете, мешают построению благополучного, стабильного мира, в котором было бы комфортно жить всем народам.

Еще раз благодарю вас за присуждение почетного звания доктора университета Одлар Юрд. Я считаю, что не заработал пока еще этого звания. Но постараюсь в будущем оправдать Ваше высочайшее доверие своей работой в области средств массовой информации и налаживания контактов с университетом и с другими центрами науки, культуры Азербайджана. Большое спасибо. (аплодисменты) Большое спасибо заведующему кафедрой, депутатам парламента, большое спасибо всей аудитории, которая присутствовала на этой встрече.

...Мне было 38 лет, когда Гостелерадио командировало меня в качестве заведующего корпунктом в страны Ближнего Востока. Корпункт располагался в Бейруте. Но Бейрут тогда был очень мирным. Но соседние арабские страны, такие, как Египет, Сирия, Иордания, находились в состоянии постоянного, перманентного конфликта либо израильско-арабского конфликта, либо внутренних вооруженных распри между палестинцами и местными армейскими частями. Я приехал в Бейрут в октябре 68-го года. И, естественно, в ходе этой длительной, 6-летней командировки освещал ситуацию во всем ближневосточном регионе. Мне довелось быть очевидцем и 6-дневной войны 67-го года, и войны на Ближнем Востоке в октябре 73-го года, и гражданской войны в Ливане, которая продолжалась более 15 лет. И войны ливанских мусульман и палестинцев с израильской армией в 82-м году.

Естественно, за годы моей командировки мне пришлось, в общем-то, повидать очень многое, стать

очевидцем крутых поворотов, перемен в жизни этого региона. Но я выбрал себе такую профессию – профессию арабиста, востоковеда, а потом уже журналиста, репортера. И эта работа меня всегда очень увлекала, и я с удовольствием работал. Хотя было много всяких и экстремальных ситуаций, попадали и во всякого рода переделки. В частности, во время войны 73-го года в Дамаске мы вместе с оператором попали под бомбежку недалеко от сирийского телевидения. А во время гражданской войны в Ливане нельзя было снять ни одного кадра, не находясь на линии огня и противостояния между палестинцами, ливанскими мусульманами в Западном Бейруте и христианскими формированиями в Восточном Бейруте, а потом уже и израильскими войсками, которые вошли в Бейрут в июне 82-го года.

На эту длительную командировку в Бейрут я поехал с семьей – с женой и дочерью Марьям. Ну, естественно, мама моя покойная очень переживала. Мы часто разговаривали по телефону, переписывались. И всякий раз, когда она видела в программе «Время» или в других передачах мои репортажи из горячих точек Ближнего Востока, очень переживала, звонила и всячески меня уговаривала, чтобы я все-таки побыстрее закруглялся там. Но это моя профессия, я выбрал себе такой путь.

Там и многие другие командированные советские граждане жили семьями. Жили как-то очень корпоративно, в рамках посольства. Хотя наш корпункт имел отдельное помещение. Так что, в общем, страха особого не было. Хотя в мае 73-го года, во время первого столкновения между палестинскими феодами и ливанской армией наш дом и корпункт попал в зону обстрела. И мне пришлось в этой очень напряженной обстановке вывозить свою дочку и жену в посольство. А потом они эвакуировались в Москву.

Свою работу я это воспринял как осуществление своей мечты. Потому что я закончил Институт востоковедения, арабское отделение. И работа в тех странах, историю, культуру, экономику и язык которых я знал, для меня было действительно высшая, так сказать, профессиональная награда. Поэтому не было ни тени сомнения – ехать или не ехать. И речь шла не только о каком-то материальном вознаграждении, такие вопросы даже и не стояли, а просто это была интересная работа.

Самое сложное были технические сложности. Я смотрю буквально с завистью белой на наших молодых журналистов, работающих в горячих точках, будь то Чечня, или Ирак, или Катар, или Палестина. У них нет таких проблем, как материал отправить в Москву. Материал в момент его подготовки направляется прямо по видеоканалам в Москву. И в тот же миг, в тот же день, в тот же час зритель получает самую свежую, самую достоверную информацию. Нам же приходилось отправлять свои материалы с помощью самолетов «Аэрофлота», которые летали весьма нерегулярно. Уже потом мы стали использовать видеоканалы, но это уже в 80-е годы.

Помню, первые съемки осуществлялись камерой «Конвас». 35-миллиметровая камера, тяжелая, неповоротливая, неудобная. И приходилось либо там монтировать, на месте, либо отправлять буквально километры этой пленки в Москву, естественно, с кадровым текстом сюжета. Потом появился «Аррифлекс», а потом уже видеокамеры. Поэтому технические сложности были самые главные. А в работе помогало то, что я знаю арабский язык, европейские языки. А знание местного языка – это практически ключ к общению, к диалогу, к сбору информации, необходимой для журналиста.

Оружие я никогда не брал с собой. Помню день, когда меня командировали в Афганистан, буквально при вводе, так называемого, ограниченного контингента советских войск. Это было 26-е декабря 79-го года. Мы добрались до Кабула с большими сложностями, с многочисленными посадками на советской территории. Пришли в посольство, нам было сказано, что: «Возьмите оружие с собой». Либо пистолет Макарова тебе выдавали, или автомат Калашникова. Но, исходя из своего опыта, я знал, что журналисту оружие никогда не надо иметь с собой. Потому что оружие – знак того, что перед тобой не журналист, не гражданское лицо, а противник. И в тебя могут, так сказать, стрелять. Это первое.

И второе, конечно, очень важный момент. Надо понимать, с какой, так сказать, миссией ты приехал в эту страну. И следовало очень уважительно относиться к национальным и религиозным чаяниям, интересам коренного населения. И не скрывать своих убеждений. Тогда тебе гораздо легче будет работать. Когда знаешь язык противника, его верования и политическую позицию, можно работать даже в лагере противника. Тогда с ним может наладиться нормальный диалог. Я был очевидцем того, как некоторые западные журналисты, не знавшие местных языков, арабского языка и диалектов арабского языка, попадали в трудные ситуации и даже становились заложниками, пока там посольства разбирались. У нас таких историй не было. Хотя и нас неоднократно приводили в полицейские участки и во всякие воинские части. Но все заканчивалось благополучно, потому что убедительно доказывали, что мы приехали сюда рассказать о той тяжелой судьбе, в которой оказалась ваша страна. Мы ваши друзья, а не ваши противники.

И больше того, иногда вместо пистолета, вместо автомата Калашникова я брал с собой фотографии лидеров этих стран и политических деятелей, с которыми мне довелось встречаться. И когда я проезжал через какой-то блокпост, допустим, сирийский, я вынимал фотографию, где я беру интервью у президента Асада. Или когда, допустим, я проезжал через палестинские блокпосты, показывал фотографию с Ясиром Арафатом и так далее.

...Ливан, он настолько многолик, яркое, интересен. Это как бы страна, где можно найти все абсолютно. Где соединение разных культур и цивилизаций. Там присутствует и ислам – шиитского и суннитского толка. Там очень мощная христианская община, причем христиане есть и католики, и православные, которые приняли православие от Византии еще, но и очень тесно были связаны с Русской православной церковью. И Григорианская церковь армянская. Ливан считался всегда крупнейшим информационным, финансовым, политическим центром Ближнего Востока. Хотя страна очень небольшая по размерам, население – 3 миллиона. Но в силу своего расположения географического и своего информационного, культурного, цивилизационного влияния в этом регионе она была интересна. А когда там начались эти конфликты и были сопряжены интересы разных держав, соседних арабских стран, таких, как Сирия, Иордания, соседнего Израиля, интересы западных держав – Франции, Великобритании, Соединенных Штатов, и интересы Советского Союза, то, конечно, необходимо было предметно изучать этот регион и в историческом ракурсе, и в современном. Потому что это была, на мой взгляд, самая интересная длительная командировка, которая оставила у меня хорошие и глубокие впечатления.

Экстрим там был сплошной, начиная с 72-го года, бесконечные вооруженные столкновения. После поражения в войне с иорданской армией в 70-м году палестинские вооруженные формирования избрали Ливан своей основной штаб-квартирой. Ливан соседствует с Израилем. На почве израильско-палестинских разногласий постоянно возникали конфликтные ситуации в Южном Ливане и в Бейруте в том числе. Так что там был сплошной экстрим. Во время гражданской войны, которая продолжалась практически 15 лет, там шла постоянная стрельба с небольшими паузами, затишьем. Уже после возвращения из этой длительной командировки, когда меня назначили политическим обозревателем Центрального телевидения, я вновь приезжал в Ливан для съемок фильмов, репортажей и сделал целый ряд документальных фильмов о войне. Таких, как «Ливан в огне», «Почему не поет Фейруз», «Ближний Восток. Время испытаний», и так далее.

Естественно, я представлялся как советский журналист. Но тут надо сделать небольшую, так сказать, скидку на то, что я знал язык, знаю язык. Вот и фамилия у меня такая для нашего слуха несколько странная, Фарид Сейфуль-Мулюков, чисто арабская. «Сейфуль-Мулюк» в переводе с арабского на русский означает «Меч Королей». Предки меня наградили такой фамилией. А Фарид – это тоже, в общем-то, арабское имя, довольно распространенное и в арабском мире, и среди мусульман России. Третье. Когда ты заинтересованно относишься к их культуре, к их образу жизни, понимаешь это, и как бы вместе с ними делишь их невзгоды и их радости, то отношение другое. Они воспринимали меня не как такого холодного, чужого человека, а как человека, который вот приехал, будучи иностранным гражданином, советским журналистом, который знает эту страну, знает этот регион и относится к нему очень уважительно.

...У меня были всегда хорошие, и сейчас сохраняются теплые, дружеские отношения с моими коллегами из программы «Время» и из других редакций Центрального телевидения. Относились, как к человеку, который побывал, что называется, в пекле, в огне вообще. И, естественно, интересовались «Как вам удавалось все это снимать, так сказать, делать такие фильмы остросюжетные? Такие репортажи передавать вообще с линии огня?» Отношение было нормальное, как товарищеское, профессиональное.

Я очень высоко ценю репортеров современного телевидения – тех каналов, которые имеют своих собственных или посылают специальных корреспондентов в эти горячие точки. Это, в общем-то, высокие профессионалы, хотя и молодые ребята. Великолепная журналистская подготовка, знание языков. Я не знаю, конечно, знают ли они там местные языки, просто не знаком со многими журналистами, но прекрасно работают. А главное, что они оказываются в гуще событий и передают очень оперативно, точно и содержательно об этих событиях материалы. Но их преимущество, в отличие от журналистов нашей советской поры, они обладают техническими возможностями, которых не было у нас, о которых мы и не мечтали. Это преимущество, конечно, выигрышно отличает их работу от работы журналистов той нашей поры.

Ну, стиль-то, может быть, изменился. Он изменился в лучшую сторону. Потому что для журналистов советского периода, хотя и не было такой цензуры, но были какие-то рамки. За которые не то, что не было позволено выходить, но мы не выходили. И, естественно, мы работали в рамках того задания, в рамках той политики, того направления, которое было задано журналистам. Современные журналисты свободны от этих вериг. Хотя тоже чувствуется, что они выполняют задание. И не всегда можно и согласиться с некоторыми оценками, которые дают современные журналисты, освещающие те или иные события в горячих точках. Но это вопрос дискуссий.

Часто спрашивают, выгодней ли было работать за границей, чем работать в Союзе? Бесспорно, было выгодней работать за границей. Но материальные условия для работы были минимальны и весьма ограничены. Будь то заработная плата. Будь то иные преимущества и привилегии. Было все очень строго ограничено и строго находилось под контролем соответствующих служб средств массовой информации. Так что, работая корреспондентом в этих странах, стать богачом было невозможно. Да и такой задачи не было, и не было такой даже мысли. Было важно хорошо сработать. Сохранить свой авторитет, свое имя. Больше всего нас заботило именно свой авторитет и имя, не уронить в грязь. Это самое главное было для журналистов. Ну, может быть, не для всех, я не могу судить о всех журналистах, но в целом. Я просто знаю очень многих журналистов из газет, журналов, радио, телевидения, работавших в разные периоды советской эпохи в этих странах. Получали столько, сколько получали все другие.

Конечно мы не бедствовали. Хватало и на жизнь, и что-то привезти родным и близким. Все было, в общем, нормально. Но мы об этом просто не думали, потому что это было бессмысленно, понимаем.

Орден Красной Звезды я получил за работу на линии огня в горячих точках Ближнего Востока: Афганистане, Ливане, других странах этого региона.

Рауль Мир-Хайдаров

Так остаётся след в истории

В начале XXI века, когда в Татарстане решили восстановить Историко-религиозный центр татар в Болгаре, для этого грандиозного проекта был создан Фонд «Возрождение» под патронатом Минтимера Шариповича Шаймиева. Нашему земляку-москвичу Ильязу Булатовичу Муслимову доверили возглавить один из важнейших проектов из задуманного – создать неповторимый Коран, достойный восстановленного исторического наследия татар в Болгаре, определить этой священной Книге почетное место и организовать там же выставочные залы для других древнейших письменных свидетельств духовной и религиозной жизни предков, сохранившихся до наших дней.

Ильяз Булатович с порученным заданием справился блестяще – внес свою лепту в восстановление святых мест, почитаемых нашим народом. На презентации Корана вместе с первым Президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым он представил народу республики и гостям мусульманского мира Великий Коран и его уникальное хранилище, о которых без восторга, волнения и гордости говорить трудно! Я счастлив, что видел, любовался этим шедевром – святой для мусульман Книгой.

Поражает формат Корана – 2 метра х 1,5 метра, вес 800 килограммов, 632 страницы! Для обложки использовались малахитовые пластины с наложением на них узоров из золота и серебра с инкрустацией из драгоценных камней – яшмы, бирюзы, топазов. Красота неимоверная – глаз не оторвать! При создании Корана больше всего возникло проблем с бумагой, экспериментировали долго.

Бумагу с армированным волокном делали в Шотландии на небольшой фабрике, работающей исключительно для эксклюзивных изданий. Коран изготовила в Италии компания «ARC Групп», на типографии Ватикана, мастерами Неджаном Братасевичем, Андреем Чернатичем (Словения) и Мауро Лоче (Италия). Вначале делали несколько пробных образцов, и все они прошли серьезные испытания на прочность и долговечность. Так вышли на оптимальный вариант.

Кораном пользуются в большие праздники, листы переворачиваются, переплет рассчитан на века. Коран сразу же попал в Книгу рекордов Гиннеса как «Самый большой в мире печатный Коран». Министерство культуры России в 2011 году признало этот Коран культурной ценностью.

М. Ш. Шаймиев высоко оценил работу Ильяза Булатовича и наградил его специальной грамотой. На презентацию уникального Корана приезжали итальянские мастера и сделали фото на память.

Для этой Святой Книги по специальному проекту построили здание, где Коран расположен в центральном зале. В других просторных залах и экспозициях этого удивительного строения выставлены редкие и редчайшие экземпляры Коранов разных веков, разных стран, разных мусульманских народов и также раритетные книги, связанные с историей нашей религии.

Этот единственный в мире действующий музей Корана и редких книг положил начало уникальному собранию священных книг мусульман в Татарстане.

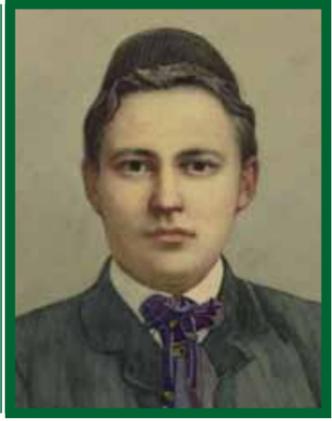
Музей и Коран редчайшей красоты – не единственное благородное деяние бизнесмена-мечената И.Б. Муслимова. В 90-х годах XX века он на свои средства 16 лет выпускал и редактировал в Москве газету «Татарские новости». И сейчас он активно участвует во многих проектах татарской общины столицы.

Хотелось бы, чтобы его пример служения своему народу поддержали и другие наши соплеменники-бизнесмены. Только так – радея за свой народ, можно остаться в истории и памяти родного народа.

Доброго здоровья, успехов во всех ваших делах и начинаниях, дорогой Ильяз Булатович!

Мауро Лоче (Италия), М.Ш. Шаймиев, И.Б. Муслимов (слева направо)

Габдулла Тукай

ТУГАН ТЕЛ

*И туган тел, и матур тел, эткәм-әнкәмнең теле!
Дөньяда күп нәрсә белдем син туган тел аркылы.*

*Иң элек бу тел белән әнкәм бишектә көйләгән,
Аннары төннәр буе әбкәм хикәят сөйләгән.*

*И туган тел! Гәрвакытта ярдәмәң берлән синең,
Кечкенәдән аңлашылган шатлыгым, кайгым минем.*

*И туган тел! Синдә булган иң элек кыйлган догам:
Ярлыкагыл, дип, үзем һәм эткәм-әнкәмне, Ходам!*

КЫЗЫКЛЫ ШӘКЕРТ

*- Әйдәле, Акбай! Өйрән син, арт аягың берлә тор;
Аума, аума! Туп-туры тор, төз утыр, яхиы утыр!*

*- Ник газапыйсың болай син, мин әле бик кечкенә;
Мин туганга тик ике айлап булыр йә өч кенә.*

*Юк, кирәкми, мин өйрәнмим, минем уйныйсым килә;
Шул болынарда ятасым, шунда ауныйсым килә.*

*- Ах, юләр мәзәмай! Тырыш яшьләй, - зурайгач эжайсыз ул;
Картаеп каткач буыннар, эш белү уңайсыз ул!*

БАЛА БЕЛӘН КҮБӘЛӘК

Бала:
*Әйт әле, Күбәләк,
Сөйләшик бергәләп:
Бу кадәр күп очып,
Армыйсың син ничек?*

Күбәләк:
*Мин торам кырларда,
Больнда, урманда;
Уйныймын, очамын,
Якты көн булганда.*

*Ничек соң тормышың?
Ничек көн күрмешең?
Сөйләп бирче тезеп,
Табаламсың ризык?*

*Иркәли һәм сөя
Кояшының яктысы;
Аш буладыр миңа
Чәчәкләр хуш исе.*

*Тик гомрем бик кыска:
Бары бер көн генә, -
Бул яхиы, рәнжәтмә
Һәм тимә син миңа!*

ГАЛИ БЕЛӘН КӘЖӘ

*Безнең Гали бигрәк тату кәжә белән,
Менә кәжә карап тора тәрәзәдән.
Гали аны чирәм белән кунак итә,
Кәжә рәхмәт укый: сакалын селкетә.*

ЖИР ЙОКЫСЫ

*Кырга ак кардан
Юрган ябылган;
Жир язга чаклы
Уйкуга талган.*

*Язның айлары,
Апрель, майлары,
Бик матур сызлып
Аткан таңнары;*

*Ул тормас, йоклар,
Кышлар үтмичә,
Кыйбладан кошлар
Кайтып эжитмичә.*

*Урман шаулавы,
Кошлар сайравы,
Күкләр күкрәве,
Яңгыр аннары.*

*Коеңу көн саен
Кояш нурында;
Аннан соң тагын
Төшкән чык төндә.*

*Бу хәлләр эжиргә
Барчасы бергә
Калган тик инде
Төштә күрергә.*

*Жир йоклый тыныч,
Күреп тәмле төш.
Уяныр әле,
Тукта, үтсен кыш!*

ШАЯН ПЕСИ

*Күрче, бик чынлап керешкән эшкә безнең Ләмига;
Бар уе - бер бик матур күлмәк тегү курчагына.*

*«Күлмәгем кайчан бетәр?» - дип, курчагы яткан, көтә;
Көтми хәл юк, бер тәти күлмәк кирәк, - бәйрәм эжитә.*

*Ә песи яшьрен генә яткан, кәтүкне күзлидер;
«Тукта, селкенмәсме», - ди ул; бер дә эяны түзмидер.*

*Ул хәзер сикрер менә, хәзер тотар, хәзер басар;
Ул кәтүкне уйнатыр, уйнар, үзенә шар ясар.*

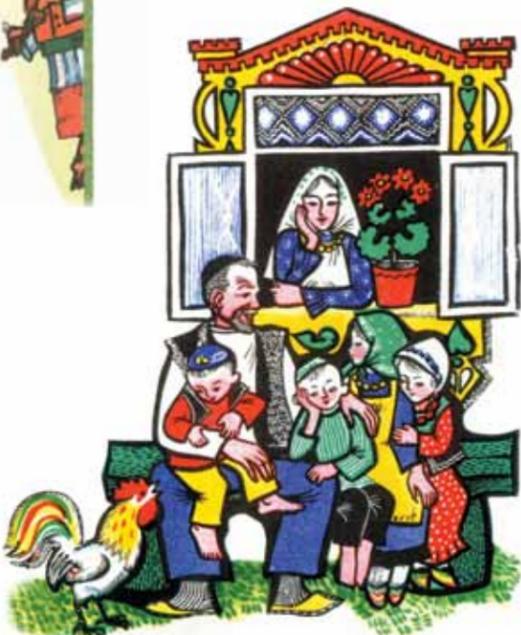
*Кайгысы юк ул песинең, тик һаман уйнау уе;
Бик шаян! Ай-һай, наян! Уйнарга хәзер көн буе!*

БЕЗНЕҢ ГАЙЛӘ

*Эткәй, әнкәй, мин, апай, әби, бабай һәм бер песи -
Безнең өйдә без эжидәү: безнең песи - эжиденчесе.*

*Бергә ашый, чәй эчә, безнеңлә бергә йоклый ул,
Хезмәте дә бар: өйне тычкан явыздан саклый ул.*

Мустафа Онер, профессор Эгейского университета

Выдающийся тюрколог Рашид Рахматид Арат

которым был выведен именно Рашид Рахматуллин.

На Рашида была возложена огромная работа. Он должен был еще и рисовать рисунки для обложки (минареты, горы и пр.); настраивать и крутить черную, как деготь, промасленную машину; собирать каждую отпечатанную страницу; корректировать рукописи, вплоть до правки стиля и орфографии текстов; заполнять пустые места и страницы материалом под разделом «новости Харбина»; копировать материалы из газет и вставлять их (по мере необходимости) в журнал; писать заголовки и заглавные буквы; помимо этого, самому написать для каждого номера журнала по стихотворению. К тому же фактически вся эта работа осуществлялась бесплатно, поскольку журнал не окупался.

Кроме того, татарская молодежь Харбина под его руководством создает своё общество, они организуют и проводят концерты, митинги и ставят даже спектакли. Но в связи с этой чрезмерно активной деятельностью вскоре он попадает в немилость и был вынужден исчезнуть из поле зрения властей, более полутора месяца ездил и прятался в странах Южной Азии и в Японии. А в конце 1922 года Рашид Рахматуллин с целью продолжения учебы уезжает в Германию и там встречается с известным татарским писателем и общественным деятелем Гаязом Исхаки. Регулярные общения с классиком татарской литературы оказывают ему благотворное влияние. Весной 1923 года он поступает в философский факультет Берлинского университета.

Старательного и способного студента первым замечает известный востоковед, профессор Вилли Банг-Кауп, а со временем Рашид Рахматуллин становится его ассистентом. Совместно с Аннемари фон Габайн они начинают исследовать привезенные из Турфана древние источники письменности. До распространения арабской письменности древние тюрки пользовались именно этой, так называемой древнетюркской письменностью. Этой письменностью в свое время пользовались во дворцах Чингиз хана и на ней зафиксированы не только государственные акты, но и богатые литературные памятники монголов и тюркских племен. Древнетюркские памятники, привезенные в начале XX века в Германию, Францию и Британию, в наши дни хранятся в лучших Европейских музеях и архивах. Одним из первых исследователей этих древнейших, для чтения и разгадки чрезвычайно сложных письменных памятников наряду с известными востоковедами Европы становится и молодой татарский ученый Рашид Рахматуллин.

Естественно, в годы учебы и работы в Германии он продолжает общаться и с Гаязом Исхаки. Известно, что в 1928 году классик татарской литературы в Берлине начинает издавать журнал на татарском языке «Милли юл», а спустя два года журнал продолжает издаваться под новым названием: «Яңа милли юл». Основная нагрузка по организации и выпуска журнала ложится на плечи всюду преуспевающего молодого и деятельного интеллектуала Рашида Рахматуллина. Одновременно под псевдонимами Али Биктимер и Шакир Юсуф он активно пишет журналу статьи по вопросам культуры, просвещения и о проблемах, волнующих молодое поколение.

1933 году члену Академии наук Пруссии, молодому и перспективному ученому Рашиду Рахмату, поступает официальное приглашение правительства Турции. Он с удовольствием принимает данное приглашение и становится профессором Стамбульского университета. И на новом месте Рашид продолжает научные исследования по прежней тематике. Спустя считанные годы один за другим в Берлине на немецком и в Стамбуле на турецком начинают издаваться его фундаментальные труды по научной трактовке и разгадке древнетюркской Турфанской письменности. Чтение документов древней письменности явилось большим открытием в области терминологии тюркских языков. Как большое научное открытие были приняты его труды, посвященные

медицине и правовым актам наших древних предков. И буквально за считанные годы благодаря своим сенсационным научным трудам Рашид Рахматид Арат становится одним из самых уважаемых и высоко чтимых ученых Турецкой республики.

У читателя, вполне возможно, может возникнуть вопрос: С какой стати Рашид Рахматуллин после приезда в Турцию становится вдруг «Аратом»? В 1935 году по инициативе лидера страны Мустафы Кемале Ататюрка у нас был принят закон о фамилиях. Принятая татарским ученым фамилия «Арат» означает «ару ат», то есть «доброе имя».

В национальной библиотеке Парижа хранится уникальный памятник древнетюркской письменности – «Угыз Каган дастаны» («Дастан Огуз Кагана, что является одной из ценнейших источников древней культуры тюркских народов. Научно-филологическое издание данного памятника совместно со всемирно известным ученым Вилли Банг-Кауп, к печати подготовил Р. Р. Арат. На современном турецком языке этот дастан в Стамбуле впервые увидел свет 1936 году.

Рашид Рахматид Арат является и одним из самых известных исследователей древнетюркской поэзии. Его труд «Древнетюркская поэзия» (Анкара, 1965г.) по ныне является настольной книгой турецких литературоведов и поэтов. В эту книгу включены ранее нигде не опубликованные 35 поэтических произведений в переводе на современный турецкий язык, написанные под влиянием манихизма, буддизма и ислама.

Уникальным поэтическим памятником древних тюрков является состоящая из 6645 бейтов книга «Котадгу белег» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского. Это произведение, написанное в середине XI века, в научный оборот впервые ввели известные востоковеды А. Вамбери и В. Радлов. А на основе Египетского, Гератского и Фирганского вариантов рукописей подготовившим ее научное издание к печати ученым является никто иной, а именно Р. Рахматид Арат. Под его редакцией «Котадгу белег» в 1947 году был опубликован в Анкаре, а в 1959 году в его переводе книга была издана уже на современном турецком языке.

Рашид Рахматид Арат был неутомим, он готов был охватить и восстановить всю многовековую духовную культуру своих предков – тюрков. По всем канонам филологической текстологии он же подготовил к печати и написанное на сто лет позже Адибом Ахметом Югнаки книгу «Ҡибәтәл хәкаик» («Порог истины»). Этот труд ученого с каждым годом становится еще более востребованным и популярным. В том числе и всемирно известная книга Бабур Шаха «Бабурнамэ», состоящая из 400 страниц, впервые на турецкий язык был переведен и издан неутомимым тружеником Рашидом Рахматид Аратом. «Бабурнамэ» несомненно является лучшим образцом тюркской прозы XVI века и объектом новых научных и филологических исследований.

Рашид Рахматид Арат

Как известно, по инициативе Мустафы Кемале Ататюрка Турецким правительством в 1924 году была приобретена богатейшая библиотека профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова. С целью изучения и систематизации этого научногоклада при Стамбульском университете был открыт Институт тюркологии. И этот институт в 1940-1950-е годы в качестве директора возглавлял Р. Р. Арат. Поскольку просто было невозможно найти другого более подходящего на эту должность ученого специалиста, в совершенстве владеющего всеми тюркскими языками, а также арабским, персидским, русским, немецким, французским и английским. Словом, Рашид Арат был не только уникальным ученым, но одновременно еще и полиглотом.

Р. Рахматид Арат является одним из инициаторов подготовки и издания исламской энциклопедии на турецком языке, лично им написаны несколько десятков статей для этого фундаментального труда. Кроме того, по его инициативе был основан и Научно-исследовательский институт тюркологии в Анкаре. Размах и широта его научных исследований не было предела, во имя науки он неустанно трудился до последнего своего вздоха. И смерть настигла его совершенно внезапно за рабочим столом. Рашиду Рахмату Арату было всего 64 года. Его многочисленные научные труды, подготовленные и изданные им древнейшие памятники культуры и литературы, разработанные им методологические принципы во всех университетах и учебных заведениях Турции по сей день являются крепким фундаментом и надежной основой для развития гуманитарных наук. Его труды востребованы и до сих пор регулярно издаются. Буквально в последнее время некоторые ранее неопубликованные статьи профессора были собраны, систематизированы и изданы отдельной книгой доктором Османом Фикри Сырткая.

Видный сын татарского народа благодаря своим незаурядным способностям, трудолюбию и энциклопедической образованности стал известным ученым не только Турции и тюркского мира, он несомненно вошел в когорту выдающихся востоковедов Европы и мира.

г. Измир, Турция

С турецкого перевел Р.С. Мухамадиев

На фотографии 1932 года (Берлин, Германия): с ребенком на коленях сидит Гаяз Исхаки, а справа от отца его дочь Сагадат Исхаки, за ней ее будущий муж Тахир Чагатай, слева от Исхаки сидит Рашид Рахматид, а за ним его жена Рабига; второй слева в первом ряду известный казахский общественный деятель и писатель Мустафа Чокай, во втором ряду слева муфти Петербурга Муса Ярулла Бигиев.

Фаузия Байрамова, писатель, кандидат исторических наук

ТАКОЙ БЛИЗКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК...

Раскинутая от тихоокеанских берегов до кипчакских степей, входившая в свое время в состав Тюркского каганата, принесящая клятву верности Чингиз хану, поведавшая и китайцев, и японцев, и корейцев великая Татарская Земля... Со своими непроходимыми уссурийскими лесами, вознесшимися до небес горами Хинган-Сихотэ-Али, бездонными озерами Ханка-Нур, реками Амур, Усури, Бикин-Самарга, охватившими все это величие бескрайними морями и океанами она нам кажется очень далекой, но в то же время, как Ана Ватан тюрко-татар, и очень близкой...

Сегодня на этой земле расположены Хабаровская, Амурская, Сахалинская области, Приморский край, они граничат с Китаем, Кореей, отсюда через море до Японии рукой подать, и Монголия рядом... По мнению большинства ученых, великая история татар берет начало именно с Дальнего Востока. Татары и сами любят говорить: "Наши предки к Поволжью и Уралу прибыли верхом на конях со стороны восхода солнца". Да, в этих словах есть доля истины. Но в то время, в эпоху Тюркских каганатов, во времена правления Чингиз хана земли от востока до запада принадлежали тюрко-татарам, то есть здесь испокон веков жили тюркские народы.

Слово "тюркские" я написала лишь условно, так как до VI века такого понятия не существовало вообще. Древние историки хозяевами этих земель признавали татар, народ империи тоже назывался татарами. В советский период в истории понятие "татары" стали заменять на "тюрки" или "монголо-татары", а на сегодняшний день и вовсе осталось лишь слово "монголы". Удивительно: не только русские историки, даже татарские ученые пошли по этому пути, таким образом, легко приписав все завоевания древних татар за 2 тысячи лет, их земли и государства монголам. Хотя ни в те времена, ни сейчас монголы не могут быть народом, которому была бы по силам такая история...

На сегодняшний день древнюю историю Дальнего Востока изучают местные ученые и краеведы, в то же время значительно интересуются историки из Китая, Кореи, Японии. Только татарские историки почему-то остались в стороне от этого процесса. Хотя иногда и пишут, что наши корни берут начало именно с Дальнего Востока. По сей день на юге острова Сахалин находят руины татаро-монгольских городов, даже в устье Амура можно увидеть места татарских городищ XIII-XIV вв. В Приморском краеведческом музее я наткнулась и на древние каменные балбалы, установленные тюркскими народами на могилы усопших, и на орудия наших предков-гуннов, и на находки золотоордынской эпохи. Но их здесь не связывают с тюрко-татарами, а только с племенами бохай, мохэ, местных тунгус-маньчжур. В топонимических названиях часто встречаются тюрко-татарские слова. Например, нынешний город Дальнереченск раньше назывался Иман, а Партизанск – Сучан, самое большое озеро края и сегодня носит название Ханка (Ханское озеро)... Но местные ученые все эти названия связывают с китайцами. Тюрко-татарский период края вовсе не изучен, хотя некоторые историки советской эпохи утверждали принадлежность местных культурных ценностей именно тюркским племенам...

"Чтобы понять историко-культурное значение этих памятников древнего искусства Сибири и Дальнего Востока, нужно представить конкретную историческую ситуацию того времени, когда оставившим их тюркским племенам принадлежала руководящая роль в истории степного мира Азии и отчасти Европы. От Хингана и до Дуная простиралась в I тысячелетии н.э. кочевья тюркских племен...", - писали они. (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое Приморья и Приамурья*. - Владивосток, 1973, стр.320.)

Сегодня древняя история Сибири и Дальнего Востока оценивается совсем по-другому, в ней нет места тюрко-татарам. Именно поэтому мой визит в Приморье в мае 2012 года и встречи с историками Владивостока и Усурийске, интерес к древней татарской истории и большинства вызвали крайнее удивление. Кроме этого, я еще посетила города Находка, Артем, Партизанск, изучала древнюю историю этого края в областных музеях и библиотеках, всюду встречалась с татарами, по возвращении опубликовала несколько статей. В конце июня 2012 года пришлось еще раз слетать во Влади-

восток, а в сентябре в течение месяца я занималась изучением истории татар на острове Сахалин. В 2014 году мною была издана книга "Остров Сахалин и татары" ("Сахалин утравы һәм татарлар").

Хочу предупредить заранее: эта статья для тех, кому небезразлична история татар, в ней даны оценки древним эпохам, государствам, отдельным историческим личностям...

Таким образом – Дальний Восток, Приморский край... Самолетом из Москвы сюда лететь 8 часов, расстояние – 9 тысяч километров, если еще прибавить дорогу из Казани до Москвы, получится 10 тысяч... Это огромное расстояние, поездом нужно добираться целую неделю. А в те времена татары верхом на конях проходили эти версты месяцами, годами... 80% края занимают горы, они покрыты густыми лесами. В них обитают тигры и леопарды, медведи и олени, растут редкие растения, как женьшень, бадан, маньчжурский орешник, кедр... Озера утопают в цветущих лотосах, в реках и морях плавают ценные рыбы... Безусловно, такой богатый край всегда был обитаем, здесь хозяевами были и татары, и китайцы, а после заключения договора между Российской империей и Китаем в 1860 году – Дальний Восток перешел во владение России.

"2 ноября 1860 года между Российской и Китайской империями был подписан Пекинский договор, окончательно определивший их общую границу на участке между Амуром и побережьем Японского моря, - пишут местные историки. - Началось освоение русскими людьми далекой юго-восточной окраины России."

А в те далекие времена земли между Тихим океаном и Уральскими горами, Севером и кипчакскими степями называлась ВЕЛИКОЙ ТАТАРИЕЙ. Даже в XIX веке Дальний Восток на русских географических картах был обозначен как ВОСТОЧНАЯ ТАТАРИЯ, другого названия у него не было.

"Название Татария произошло от слова "татары", собирательного имени, которым обозначали в XIII-XVI веках группы родов монгольского и тюркского происхождения, входивших в эти века в государство Чингисхана и его преемников, - пишут историки. - На русских картах, составленных после включения татарских ханств в состав Российской империи, название Татария в европейской части и в Сибири обычно отсутствует и лишь на Дальнем Востоке выделяется Восточная Татария, охватывающая Приморье, Монголию и Северную Маньчжурию (карта И.К.Кириллова, 1734 г.). Татарию называются Приамурье и Приморье на карте Сахалинского моря, составленной Головиным В.М. и Рикордом П.И в 1811-1813 гг. (Головин, 1972)." (С.Д.Гальцев-Безюк. *Топонимический словарь Сахалинской области*. - Южно-Сахалинск, 1992, стр.132.)

Да, именно так – даже в XIX веке этот край назывался Татарией. Несмотря на это, историю края современные русские ученые связывают лишь с Китаем, пытаются обойти историю татар, затянувшуюся на тысячелетия. Но следует помнить, что Китай в те годы и сам был под властью тюрко-татар! Это государство на протяжении долгих веков было вынуждено платить дань своим северным соседям, выплачивать военную контрибуцию.

"...как немногочисленные (особенно в сравнении с многочисленными оседлыми империями) и дикие (в общекультурном плане) кочевники не только раз за разом завоевали оседлые страны, но и устанавливали над ними довольно прочное господство, - пишут татарские краеведы. - Например, с 221 г. до н.э., когда в Китае возникла первая централизованная империя, до настоящего времени из 2232 лет кочевники прямо правили Северным Китаем более 820 лет, причем из них в течение 430 лет власть их распространялась на весь Китай." (К.А.Аблязов. *Историческая судьба татар. От племен к нации. Том 1. - Саратов, 2012, стр.49.*)

Хотя трудно согласиться с оценкой автора в дикости (варварстве) кочевников, но его утверждение о том, что кочевники около тысячи лет управляли Китаем, соответствует действительности. Кочевые тюрко-татары веками населяли эти земли и правили здесь. После них должны были остаться духовные и материальные ценности. Да, на Дальнем Востоке, в том числе и в Приморском крае, много тюрко-татарских памятников, но все они изучаются как наследие других народов. Как я уже отмечала, многовековая история этого края разделена между древним государством Бохай, племенами мохэ-чжурчжэни-кидан, понемногу досталось китайцам и корейцам. Хорошо, а теперь подойдем поближе к прошлому этих племен и попытаемся выяснить: кто же они. Читаем местных историков и краеведов:

"...Все это привело к консолидации мохэсцев и созданию в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью у сумо мохэ, названного в тюркских эпитафиях "боклийским каганатом", - пишут местные историки. - ...Так как в то время ряд племен мохэ был в зависимости от Тюркского каганата, Да Уи нужно было обеспечить невмеша-

тельство тюрков в его деятельности по расширению территории Бохая." (Российский Дальний Восток в древности и средневековье. - Владивосток, 2005, стр.440, 454.)

В этом отрывке содержатся важные данные: племена мохэ подчинялись Тюркскому каганату, и в тюркских источниках Бохайское государство называлось "Боклийским каганатом". Безусловно, в те времена все земли и племена от Желтого до Черного моря принадлежали Тюрко-татарским каганатам и государствам. Правитель Бохайского каганата на Дальнем Востоке тоже назначали тюрко-татарские каганы. **"...С этой целью он (Да Уи) направил вместе с хэйшуй мохэ посольство в каганат с просьбой назначить в Бохай тюркского тутуня", - пишут историки. (Российский Дальний Восток..., стр.454.)** То есть Бохайским каганатом правил назначенный Тюркским каганатом тутун-татан-татар.

Еще одна важная информация – упоминание Бохайского государства на тюркских надгробных памятниках "Боклийским каганатом". Здесь речь идет об эпитафии, выгравированной руникой на надгробном камне великого Билге кагана, правившего в VIII веке государством куктюрков, и его брата Култагина. Этот комплекс-стелла сегодня находится в Монголии.

*На востоке, где восходит солнце,
на юге, в (странах) полуденного солнца,
на западе, где заходит солнце,
на севере, в полных (странах),
все имеющиеся там народы мне подвластны...*

*Пришли с Бюклийских степей с востока, где восходит солнце,
Из Табгача, Тибета, от авар, Рума, от кыргызов, учкурканы,
Отузтатар, киданей, татабы...*

*Сев каганом,
Весь неимущий и бедствующий народ я объединил.
Бедный народ я сделал богатым,
Немногочисленный народ я сделал многочисленным.
Разве это фальшь в этих моих словах?
Тюркский народ и беки, услышьте это!
Здесь я запечатлел (слова) о том, что ты, тюркский народ,
объединившись, сохранил свою державу!
(Слова) о том, что, заблуждаясь, ты можешь погибнуть
я также здесь запечатлел.
Все те (слова), что я имел сказать, я запечатлел на вечном камне.*

(Л.Ю.Тугушева. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. – Москва, 2008, стр.35-50.)

Воздействие тюрко-татарских государств на все племена, расположенные поблизости, в том числе и на мохэ, было настолько сильным, что это вынуждены были признать даже историки советского периода. **"Не менее глубокое влияние на ход социально-экономического развития мохэ имели их связи с соседней Центральной Азией и Сибирью, конкретно с тюрками, - пишут они. - Об этом следует сказать подробнее, поскольку в лице тюрков мохэ имели союзников в борьбе против агрессии империи Тан." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.319.)**

Несомненно, тюрко-татарские каганы правили и Боклийскими племенами и землями на Дальнем Востоке, но современные ученые изучают Бохайское государство и его племена вне тюрко-татар. Исторические находки они причисляют не к тюркскому наследию, а к каким-то мифическим племенам. Например, в Усурийске, в парке отдыха я видела очень древнюю мраморную черепаха, вырезанную из цельного гранита, весом 10 тонн. В буклете городского музея она датирована находкой XII века. Но выяснилось, что это не соответствует истине. В Усурийске я специально встретилась с русскими учеными, изучающими именно ту эпоху, чтобы задать им свои вопросы. По их словам, черепаха – памятник XIII века, то есть относится к татаро-монгольской эпохе. Молодой ученый-археолог рассказал мне о том, что на месте Усурийска раньше стоял старинный город Суйпин, у него было два кремля. Как пишут ученые, в XIII веке, то есть во времена правления чингизидов, в Приморском крае существовало сорок старинных городов татаро-монгол. По Дальнему Востоку их насчитывалось свыше ста пятидесяти. Только никто это наследие, древнюю историю не связывает с тюрко-татарами. Они с ног до головы потонули в своем Бохайском государстве, племенах чжурчжэни, все пути проложены только в этом направлении, словно они на историю другими глазами и смотреть не могут. Я поинтересовалась у ученых в Усурийске: "Здесь встречаются ли находки времен Тюркских каганатов и Татаро-монгольской эпохи?" Ответили положительно. Например, в китайских источниках сообщается о нахождении здесь осколков горшков с руническими записями, а также посаях и подпругах эпохи Тюркских каганатов.

И мраморная черепаха в центре Усурийского парка оказалась памятником Тюркских каганатов. Предположительно, она изготовлена в VII-VIII веках, такие фигуры устанавливали на могилах тюрко-татарских каганов. Подобная информация содержится и в "Татарском энциклопедическом словаре":

"Надгробный камень Кулягина – древний тюркский эпиграфический памятник. Он находится на территории нынешней Монголии, установлен на могиле Кулягина и его брата Билге кагана. Четырехугольный продолговатый большой камень стоит по дороге в усыпальницу, в отдельном мавзолее, на мраморной черепахе". (Татарский энциклопедический словарь. - Казань, 2002, 376 стр.) В самом деле на спине той мраморной черепахи есть продольная расщелина, предназначенная для установки надгробного камня-стеллы. Фигура исписана геометрическими символами, их значение должны истолковать ученые. К сожалению, наши историки еще не изучили это наследие и не сказали своего слова.

Владения тюркских каганатов, берущие начало у берегов Тихого океана, ранее именовавшиеся Татарским и обхватившие все леса и горы, реки и озера, десятки тюрко-татарских племен, ставшие хозяином этих необъятных земель, в самом деле считались Татарской империей. Поэтому совсем неудивительно, что повелитель Вселенной Чингиз хан был родом именно из тех мест и из этого народа.

"Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: "Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ". Кадырканская чернь - это горы Большого Хингана, а Железные ворота - проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисяба. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы." (История Татар. Том I. Народы степной Евразии в древности. - Казань, 2002, стр.230.)

Это официальное определение, его автор – ученый из Санкт-Петербурга Сергей Кляшторный. Оно дано самой историей и временем, выгравировано на могильном камне Культягина и Билге кагана навечно...

существовал культ тигра, военное оружие тоже было тюрко-татарское, погребение производилось по тюркским канонам. В округе этот народ считался самым сильным, мохэ хорошо владели кузнечным ремеслом, первыми в этих краях научились ковать военное оружие из железа. Они также занимались земледелием, держали скот, ходили на охоту. Среди мохэ была популярна игра в мяч на лошадях - это напоминает состязания тюрков, т.н., "козлодрание". На наскальных рисунках гор Сихотэ-Али-Хинган мохэ изображали себя на конях и в степной одежде. На это обратили внимание и советские историки, но сходство объяснили «следствием крепкой связи с тюрко-монголами (татарами)».

"В тесные взаимоотношения с тюрками были вовлечены и тунгусы, мохэские племена, обитавшие на Амуре и в Маньчжурии, - пишут историки. - Здесь они вплотную соприкасались с тюркскими племенами, предками тюрко-язычных народов Сибири и Центральной Азии. И не только соприкасались, но вместе с ними принимали участие и в политической жизни того времени, развертывавшейся от Желтого моря до Аму-Дарьи, Днепра и Дуная." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.322.)

Известно, что у государства Бохай-Бокли было пять столиц. В изучаемом нами Приморском крае располагалась Шуайбинская область. Как уже говорилось, на месте нынешнего Уссурийска стояли древние городища Суйпин-Кайюан, а современного Партизанского района - городище Шайга. Мохэ считались образованным народом, они читали даже китайские книги. По

одного народа к другому, возникают новые империи. В IX веке, в 926 году, Бохайское государство было уничтожено киданами. Но все же на территории Маньчжурии и окрестностях современного Уссурийска еще остались независимые владения бохайцев. В XI веке государство киданов тоже ослабло, правление перешло в руки чжурчжэнов. Они тоже из племени мохэ – нюйчжэньни, следовательно, с тюрко-татарскими корнями. Этот народ продолжил дело предков – восстановил государство, экономику. В истории империя Цзинь называлась Золотой империей. Эти племена отличались воинственным духом, кроме того, занимались земледелием, держали школы, писали книги, строили города-крепости. По данным историков, религией чжурчжэней было шаманство, проявлялись и древние тюркские элементы. Вышеупомянутую мраморную черепаху ученые исследуют именно в качестве памятника той эпохи. Как пишут ученые, черепаха из современного Уссурийского парка была установлена в XII веке в честь чжурчжэньского царя Эсыкуя на его могиле.

Чжурчжэньская империя Цзинь просуществовала 118 лет, она исчезла во время тридцатилетней татаро-монгольской войны, которая явилась бесподобным противоборством, бойней между племенами тюрко-татаро-монголо-китайцев за право владеть и править всем миром. На этой всемирной войне победу одержал Чингиз хан, и татары стороны восхода солнца расселились по всему миру...

"В 1210 году начался конфликт монголов с чжурчжэнями, - пишут историки. - Инициатором конфликта выступил Чингиз. Он первый бросил вызов чжурчжэням." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.377.)

Но до этого воинствующие чжурчжэни каждые три года совершали набеги на татарские земли и забирали детей для рабства.

"С цзиньцами у монголов были старые счеты, - пишут историки. - (Император) Улу (1161-1189) ...приказал своим войскам раз в три года отправляться на север, чтобы истреблять и грабить татарские кочевья. Это называлось набором и истреблением рабов. "Поныне еще в Китае все помнят, - писал Мэн-хун, - что за двадцать лет перед этим, в Шаньдуне и Хэ-бее в каждом доме были рабы - татарские девочки и мальчики - все захваченные в плен войсками... Татары ежегодно платили дань чжурчжэням, а те принимали ее за границу, не допуская татар в пределы Цзиньского государства. "Татары убежали в Шамо, и мщение проникло в их кости и мозг." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.377.)

Молодой, сильный Чингиз хан принял решение поставить точку такому позору, но ему самому не было суждено увидеть эту победу. Он умирает в 1227 году, но оставляет завещание уничтожить своих заклятых врагов – чжурчжэней. Война длится еще около десяти лет, заканчивается победой татаро-монгол. Удивительно то, что некоторые русские ученые этот триумф татаро-монгол описывают лишь темными красками, словно после этого наступил конец света и исконная история Дальнего Востока для них перестала существовать.

Хотя на Дальнем Востоке, у берегов Амура существовало более 150 древних городищ, городов-крепостей, только их никто не изучает. История Дальнего Востока с XIII до XIX века – неизученная пропасть, пустота, а ведь это татарская история. И Тюркские каганаты, и Бохай-Боклинские государства, и населявшие их многочисленные племена, и правившие этим краем в разные эпохи тюрко-татаро-монголо-китайцы – все это одна часть Большой Татарской Истории...

У читателей может возникнуть вопрос – куда же делись эти великие татары Дальнего Востока, почему исчезли со страниц истории? С укреплением Китайского государства часть татар была вынуждена перейти в состав этой нации, остальные же, с целью сохранения своих тюрко-татарских корней, переселились к своим сородичам – Сибирским и Волго-Уральским тюркам. На сегодняшний день большинство из них уже обрусело. Лишь малая часть продолжает жить здесь, храня в глубине души светлые лучи стороны восхода солнца, его великий дух и историческую память...

Черепаха из Уссурийского парка. XII век.

Когда сверху возникло голубое небо, внизу – бурая земля, между ними возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели (на царства) мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев (на царство), они стали управлять страной по законам тюркского народа и обустроивать ее. С четырех сторон все были им врагами. Поведя войска, народы в четырех сторонах света все он покорил и привел к повиновению; имеющих головы, он заставил склонить (головы), имеющих колени, заставил преклонить (колена). Он расселил их на востоке до хребта Кадыркан, На западе – до Железных ворот.

А теперь дадим характеристику местным племенам, подданным тюрко-татар. На передний план выдвигаются племена су-мо мохэ, чжурчжэни, кидан, манчжур-тунгус, есть еще чин-мачин-корейцы. Как уже отмечалось, Бохай-Боклинский каганат был очень развитым государством, состоящим из множества городов. Именно поэтому историки называют этот край "самым древним культурным краем". Как пишут некоторые ученые, племена мохэ и татан-татары, обосновавшие Бохайское государство, имели общие корни, их род назывался Да (Та), это укороченный, китайский вариант слова "татар".

"В степях Монголии и Забайкалья по Онону издавна кочевали скотоводческие племена татань, или татар, - пишут историки. - В "Цзинь-го-чжи" о их происхождении говорится, что они были потомками мохэцев и жили у гор Иньшань. Татань делились в танское время и после на две группы. Жившие поблизости к Китаю назывались образованными, отдаленные от Китая, назывались дикими." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое Приморья и Приамурья. - Владивосток, 1973, стр.376.*)

Из книги, написанной в советскую эпоху, мы получили наиболее достоверную информацию о тюрко-татарах и их родстве с местным населением. А в более поздних книгах, научных трудах уже не слова об этом единстве и взаимодействии. А ведь в древних племенах мохэ очень сильно прослеживается тюркское начало – они любили лошадей, питались кониной и кобыльим молоком, у них

утверждению некоторых ученых, у них была своя письменность, но большинство пользовалось тюркским руническим письмом, так как именно тюркский язык считался государственным.

"Вместе с тем тесные культурные, политические и экономические связи бохайцев с тюркскими степными племенами обусловили и знакомство с еще одним, третьим видом письменности: тюркским руническим письмом", - пишут историки. (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.349.)

Как известно из истории, в те времена на Дальнем Востоке влияние тюрко-татар было очень сильным, это культурное могущество длилось веками, оно отразилось на жизни и быте местного населения. Даже сегодня малочисленные народности, проживающие на берегах Тихого океана, а также нивхи, уилты, эвенки, нанайцы, населяющие остров Сахалин, носят одежду по образцу, оставшуюся от тюрко-татаро-монголов: вышитые халаты и камзолы, ичиги и сапоги, национальные головные уборы.

"Соответственно сказанному, С.В.Иванов полагает, что "из района Верхнего Приамурья, где древние тунгусы соприкасались с тюрками, а позже с монголами, указанные подвески вместе с поясом постепенно проникали к народам Нижнего Приамурья - предкам нанайцев, ульчей и нивхов. И дальше он пишет: "Рассмотренный материал приводит к заключению, что тюрко-монгольскому компоненту в культуре народов Амура принадлежала большая роль, чем это можно было предполагать прежде, и что влияние на них культуры кочевых скотоводческих племен началось за несколько столетий до образования Монгольского государства, по-видимому, еще в период киданской империи Ляо, а может быть, и ранее." (А.П.Окладников, А.П.Деревянко. *Далекое прошлое...*, стр.326.)

С ослаблением Тюркских каганатов среди племен Дальнего Востока начинаются столкновения, смута, правление переходит от

Тюркские и огузские беки и народ, слушайте!
Если бы небо сверху не обрушилось,
и земля внизу не разверзлась,
Тюркский народ, кто бы мог разрушить
твою державу и твои законы?
Тюркский народ, одумайся и раскайся!
Из-за твоего неповиновения,
Ты сам предал вскормившего тебя мудрого кагана,
Свою независимую, прекрасную страну и принес ей зло!
Откуда явился (тот), в кольчуге и обратил тебя в бегство?
Откуда явился (тот), с копьем и изгнал тебя прочь?
Народ Отыкенского нагорья, ты ушел и (там),
обязанный идти на восток,
ты шел, обязанный идти на запад,
ты шел, и в тех местах, куда ты ходил,
ты обрел то благо, что твоя кровь бежало рекой
и твои кости лежали горой;
твои сыны, должны стать беками, стали рабами,
твои дочери, должны стать госпожами, стали рабынями.
Тюркский народ, одумайся и раскайся!
И весь простой тюркский народ сказал так:
"Я был народом, имевшим свою державу,
где моя держава?
Для кого я добываю державу?" – говорил он.
"Я был народом, имевшим кагана,
где мой каган?
Какому кагану я отдаю свои духовные и физические силы?" –
говорил он,
и, говоря так, стал врагом табгачскому правителю.

Эти слова на могильных камнях Культягина и Билге каганов через тысячелетия звучат как назидание грядущим поколениям...

Габдель Махмут

Однажды мальчик родился в тундре. Назвали его Вануто. Все знали, кого звали из рода Пеньдо, значит олениводы. Родители Вану надеялись, что сын их продолжит дело рода Пеньдо, старались, чтобы вырос умным, грамотным олениводом...

В годы советской власти Вануто учился в интернате, как и все дети олениводов. Однако потом он захотел и продолжил учебу в большом городе на учителя. Все удивились, конечно, но подумали, молодец, Вануто вернется и станет учить своих юных сородичей всему, что познал сам. Чтобы все олениводы в тундре были грамотные.

Но лишь появился Вану Пеньдо пограмотнейший, с порога и заявил:

- Отстали вы. Теперь люди в чумах не живут. Поеду в город жить, как все культурные.

От неожиданных этих слов Вану родители остались без слов.

Таких, как Пеньдо, в городе тогда было мало. Поэтому там ему сразу работу дали, какую захотел, а там и жилье в доме белокаменном. Стал он жить-поживать да добра наживать. Отпуска свои, каких не знали родители, проводил он, как все городские люди, в теплых краях у моря. Полсвета объездил так. В холодную и сиротливую тундру наведывался только за муксуном и нельмой, иногда за мехом, чтобы в городе продать. А в городе утверждал, что нужна соплеменников вынуждает его так поддерживать их, хотя никто из них в это давно уже не верил.

Так бы и жить Вануто всегда: без забот, в тепле и безбедно. Но женился он на девушке, как после выяснилось, оказавшейся неумехой и гуленой, любившей легкую бесшабашную жизнь. Как тундровик в корнях, он не понимал толку в разводах. А может, это бог Нум его, за что не знал Вану, так наказал. Вот и не дал им Нум детей. От такой жизни он затосковал-запечалился, стал горе свое заливать водкой, жизнь прожигал и работу забросил, а жену бил-колотил. Но толку не было.

Хорошо, не успел спиться окончательно. Вдруг в стране подул отрезвляющие ветры. От надвигавшихся перемен люди стали прозревать. Кругом разгорелись митинги. Все гадал народ, какую жизнь теперь следует строить.

Как-то проснулся Вануто Пеньдо, в голове гудит, как в нефтепроводной трубе, а в кармане дырка - ветер свистит. Пошел бутылки собирать. Видит, в центре города, где он больше всего находил свою твердую валюту, на площади народ, и трибуна установлена. Послушать только остановился, а как завлекло-повлекло - быстро побежал домой, вынул из запявившегося сундука забытый тундровый наряд, оделся и вернулся к митингующим. А тут уже свободный микрофон объявили: выходи, кто может, и толкай речь, бросай в народ мысли сокровенные - новизны толпа жаждает и жаждет. Глядит Пеньдо, один кричит:

- Партократы, дай порулить демократу!

Толпа требует: "В депутаты его!"

Другой орет:

- Свободу прессе и водке!

А толпа поддержала и: "В депутаты его!"

Третья еле вскарабкалась да как заорет благим матом:

- Верните из тюрем отцов моих пятерых детей! А то на рельсы лягу, дети соплей закусувают...

Площадь ей аж скандирует: "В депутаты ее! Пусть икру покушает!"

"Вот эта демократия - теперь моя партия, - пришла мысль в голову Пеньдо, - заждался же я тебя..."

Тоже взмолился и начал трибунить. Да как говорить-изрекать! Не слова, а целые поэмы вылетали из уст его:

- Вы все - варяги пришлые, я - коренной. Вы жируете здесь, а я в облезлой малице дрожу морозною зимой...

Снизу поддержали оратора:

- Малицу каждому северянину!

или

«Сказка о новом лебеде»

(современная северная сказка)

- В депутаты Ягушку! - добавили где-то.

Вану и сам удивился речам своим, вдруг бросит в разгоряченную толпу:

- А ну, закрой задвижку!

"Демократы" быстро смекнули, что к чему. И двинулись к нефтепроводу. Впереди себя Пеньдо толкают. Там они поставили его на самую главную задвижку и велят: "Теперь говори!"

И воспарил, воспламенел Вану:

- Нефтяники погубили ягельники. Ягель - это жизнь оленя, был нашим богатством он, оленя нет - мяса нет, холодно в тундре. На народ надвигается смерть, вот. Закройте все задвижки на Москву! Пусть построят новую трубу. С деньгами оборотным потоком...

- А верно гутарит баба, - заметил один из очухавшихся демократов, не проглядев то ли в малице, то ли в ягушке Пеньдо-мужчину.

А жена Пеньдо открыла рот от удивления, зацокала-заморгала, мужа не узнает. Бутылку свою пнула в сторону, и давай снимать Вану в камеру со всех сторон. Увидя это, Вануто приказал: «Будешь мне пресс-секретарем!»

И началась у Пеньдо совсем другая, новая жизнь: по собраниям, сходкам, митингам - успевай пресс-секретарь-жена фиксировать классические "дымократические" движения души мужа в центре бурных событий. Оба враз забыли об огненной воде. Дремавшую отцовскую энергию Пеньдо направил на перевоспитание толпы.

Демократы на первых порах очень обрадовались, что их платформа укрепилась оратором и трибуном из коренных. Где надо толпу охмурять, давай на трибуну Вану толкать. И стал он, как все «дымократы», выдвигаться от них на все выборные должности: то в советы, то в Думу новую, то в Президенты расплодившихся ассоциаций - лишь бы платили там.

Но, как доходит дело до выборов - никто за Пеньдо крикуна-одиночку не голосует. Ведь каждый дымократ видит себя у власти. А род и народ у Вану далеко, и не прозрелый к переменам, не знает, что такое "альтернатива, плюрализм и дымократические преобразования". Темный, он не понимает в необходимости Вану в депутатах, у власти. Чуть руки не наложил на себя Вану от обиды, ведь как верил, надеялся он на новые ветры... Задумался, заметил, что его коллеги-дымократы и перестройщики - те же бывшие партократы, при ком он начинал жить хорошо, да пропил. Власть вкусившие когда-то, они быстро перекармлились и снова рвутся рулить-повелевать, не до Вану им... Что делать, не знает Вану, ведь все познал в жизни: огонь водки, лед земляков и нефтяные трубы на родной земле. А в итоге снова бег на месте.

Вдруг осенило жену по трезвянке, подсказала неожиданно умно - чтобы гласностью брал привилегии себе Вану: "С такими тебе не по пути, использовали и вытерлись. Давай, писать будешь..."

"А что, это мысль", - смекнул Вану. И стал писать книгу. О тяжелом пути тундровика. Все вспомнил и припомнил в книге: как бедно рос, как назло партократам институт бросил и партбилет пропил, тундру оставил, чтоб хоть один из рода Пеньдо стал человеком. Как встретился с "дымократами", стоял в авангарде их движения, выступал трибуном их, как они же утерлись им и не пустили в свои ряды, как чуть не спился снова, разочаровавшись в нынешних переменах. Большая гора бумага получилась книга, выше чума наплел.

Подвернулся случай, подкатил Вану к новому нефтяному начальнику, говорит: "Я критиковал и захват-

чиками тундры, губителями ягеля обзывал не тебя, а прежнего генерала - помоги издать об этом книгу-исповедь". Конечно же, помог новый "генерал" нефтяной, чем бы дитя ни тешилось. Не каждый день в тундре рождаются писатели, вдруг и вправду хорошая книга будет... Не пожалели денег на дело доброе - вышла книга толстая да большим тиражом. Однако понаблюдая Пеньдо, а книга не пошла, ведь издал, чтоб читали. И снова к начальству Вану: "Купите мою книжку, ходите в народ и дарите. Все будут хвалить - и "зеленые", и аборигены... Конечно, купили. Не каждый день писателям помогают. Авось, добром вспомнит автор, и с "зелеными" договориться поможет.

Вану тоже не сиднем сидел. Куда бы ни показался, книгу свою толкает: "Где еще книгу о моем народе найдете, купите, память будет, когда покинете мой край". Все равно недоволен, как расходуется книга. Стала с женой на вахтовых вертолетах попутно летать в тундру, организовывать письма с отзывами земляков на книгу.

Как-то так и на родную землю залетел Вану. Нашел чум родителей. Они лежат больные, помирать собрались. Хотел было поддержать стариков Вану, а те его помощи не берут, самого выгоняют: "Ты, - говорят, - стал лебедем Айога из сказки нашего рода - любуешься на свое отражение в воде. Не тундровик ты. Поезжай, откуда прибыл. Денег олени не жуят. Их пасти надо на ягельных пастбищах. У нас сил нет, но и сына у нас нет, умирать хотим".

С тех пор Вану много красовался на разного рода съездах, конференциях, симпозиумах. Каждый раз, выступая, горячо и убедительно рассказывал всем, как любят его и его книгу в тундре. Читает письма-отклики. В перерывах подбегает к видным людям, фотографируется. А вернувшись домой, рассказывает окружающим, как его высоко оценили. Как все захотели с ним запечатлеться на память - следующие книги будут с этими снимками.

Такая вот новая, не менее интересная жизнь началась, что жить да жить, да лавры пожинать: рыбу не ловит, оленей не пасет, а живет, гуляет, на банкетах красуется.

И я там бывал. И пива пивал. И ляпнул нечаянно настоящую правду, что именно говорят на родине о книге Вану его земляки, и каков деятель сам.

С тех пор Вану со мной не здороваются. И всех писателей обзывает алкоголиками, не доросшими до понимания его народа и книги о нем.

Это, однако, только присказка, а сказка еще впереди...

г. Надым, Ямал

Дилявер Осман

Дилявер Осман – известный поэт и общественный деятель крымских татар, главный редактор журнала «Йылдыз» (Звезда). Родился в Узбекистане, высшее образование получил в Казани, живет и работает на родине предков – в Крыму.

Клянусь

Ты таинственно, время: и там и тут
Испытания нас нежданно ждут,
Но от слов своих я не отрекусь.
Клянусь...

Пусть огонь изнутри жжёт меня сильнее,
пусть истерзано сердце в груди моей,
От своих я песен не отрекусь.
Клянусь...

Четвертуй или скинь со скалы меня —
Знай, и в миг последний последнего дня
От родной земли я не отрекусь.
Клянусь...

Хоть закуй меня в цепи и брось в зиндан
Погибать во тьме от смертельных ран,
Нет, от слов своих я не отрекусь.
Клянусь...

Своему я народу придам ли сил,
Если раны его я не излечил?
Нет, от слов своих я не отрекусь.
Клянусь...

Я к земле родной устремлю мой путь,
Чтоб щекой своей к ней припасть на грудь,
От неё вовек я не отрекусь.
Клянусь...

Мой народ говорит: я вернусь, вернусь!

Перевод **Михаила Липкина**

ТАТАРЫ, ТАТАРЫ...

И даже звезды вздрогнули вдали,
И сосны крымские глядели вслед:
Народ погнало, чтоб стереть и след
С лица земли...
1944 г.

Ах, татары, татары...
От тоски всё сгорело внутри.
«ВАТАНЫМ!» - вы шептали в пути,
Без вины потерпевшие кару.

Дорогой мой народ, татары...
Он дороже любого дара —
Возвращения миг.
Тут и там,
Словно реки, спешат татары
К морю Чёрному и к горам.

Эй, татары, татары!

Но в песках остаются братья —
Вновь разлука и горечь слез.
И опять над дорогой обратной
Потускнел свет далеких звезд.

И столетья пройдут, как встарь, и
Канут в лету с ними вожди.
Не забудутся черные дни,
Ах, татары, татары...

Перевод **Розы Кожевниковой**

МОИ НАДЕЖДЫ...

Мои надежды,
День и ночь я с вами,
Но истомили душу вы мою.

Мои надежды,
Детскими слезами
Вы плакали со мной в чужом краю.

Мои надежды,
Словно лес и горы,
Вы навсегда пленили сердце мне.

Мои надежды,
В радости и горе
Всё чаще детство вижу я во сне...

Мои надежды,
Я молюсь, как прежде,
С моим народом о грядущем дне...

Перевод **Ольги Голубевой.**

У МОРЯ

Затихла пристань. Вечер на исходе.
Кружатся чайки в белом хороводе.
Взлетают волны, обнажая страсти.
На старой шхуне ветер треплет снасти.
В накидке из вечернего тумана
Скала застыла, словно изваянье.
Мерцают звезды, сумерки все гуще,
Маяк мигает кораблям плывущим...
Пустая гавань в нежном ожиданьи
Тех, кто из странствий возвратится дальних...

БЕЗ ТЕБЯ

Я ждал тебя так долго безнадежно,
Теряя веру, падал я во тьму.
Тебя искал я в снах. Но невозможно
Найти тебя. Мечтою я живу.

Ты мне нужна, мятежный мой хранитель
От горя, холода, жары и зла.
Мир без тебя, холодная обитель.
Мир без тебя, окутала все мгла.

Здесь без тебя не расцветают розы,
В моем саду поникли все цветы.
На них роса — тоска, печаль и слезы,
Цветы рыдают — мимо не пройти...

ДОЖДИ

Идут дожди — любимая погода!
Зеленых капель трепетный мотив.
В душе моей, что будишь ты, природа? —
На полуслове замирает стих.

Испуганно во тьму взлетает птица.
Там, за окном, что ищешь ты, поэт?
В тумане зыбком возникают лица,
В дождливой ночи брезжит силуэт.

Который год одно и то же виденье:
В промокшем платье, волосы вразлет,
В руках ромашки... Что за наважденье —
Молчит и взглядом за собой зовет?

И я не в силах вырваться из плена:
Глухая ночь — связавшая нас нить.
Я повинуюсь зову неизменно.
От непогоды как тебя укрыть?

Который год ко мне приходишь снова, —
Зачем тебе холодный мой привет?
Ведь знаешь ты — я не скажу ни слова,
И ты не плачь молчанию в ответ.

Тебе известно — отгрезмили грозы.
Не мучайся, в том нет ничьей вины.
Стучат в окно замерзшие березы,
Казань холодная доглядывает сны.

...Дожди, дожди — ненастная погода.
А за окном — все тот же силуэт.
В душе моей что будишь ты, природа?
— Один встречаю дымчатый рассвет...

Пророк МУХАММАД (салаллохи алайхи вассалам)

ХАДИСЫ

Власть мерзких и недостойных (людей) — беда (достойных) мужей.

Динар скупых — камень (брошенный в тебя).

Религия человека — его слово.

Оставь непокорных (Богу) с их непокорностями (пусть узнают чего могут достичь).

Один грех — много, и тысяч поклонений — мало.

Алчность унижает человека.

Лицемерие с друзьями усиливает зрение.

Благополучие жизни (достигается) в свете безопасности.

Твоя доля (хлеб насущный) гоняется за тобой, будь спокоен.

Рождение — гонец смерти.

Рассказ хадисов становится причиной причастности к Пророку.

Ученая степень выше всяких рангов.

Во время бушевания страстей соблюдай правду.

Великодушие исходит от веры.

Старайся изучать науку, а не (только) книги собирать.

Мудрый юноша лучше, чем глупый старец.

Делай добро для близких и станет больше защитников твоих.

Молчание глупца — занавес его пороков.

Мир тесен сей для враждующих и злых.

Кто вызвал неуместно гнев твой — (знай) предал тот тебя.

Гнев вопреки правде — подлость.

Гордиться достоинством (своим) гораздо лучше, чем гордиться родословием.

Остроумие человека — свидетель его благородного происхождения.

Спасение — в правде.

У неблагодарного недолго длится благосостояние.

Признание правды — знак религии.

Оценивает человека дело, которое он исполнит хорошо.

Ты сам и то, что ты имеешь, принадлежит твоему отцу.

По мере великодушия человека определяется цена ему.

Щедрый неверующий ближе к Раю, чем скупой верующий.

Завистнику достаточно боли от зависти.

Осведомленность в смерти — горе достаточное.

Ласковое слово — цепь сердец.

У завистника покоя нет.

Власть знаний не знает краха.

У каждой вражды есть причина и есть выгода, кроме вражды завистника.

У болтливого упрекающих много.

Слава исходит не из глупости.

Общество ученых — подобно райскому саду.

Достоинство человека — под его языком.

Свет верующего исходит от его ночных молитв.

Черствеет сердце от забвения о смерти.

Огонь разлуки больше жжет, чем пламя ада.

Свежесть и бодрость лица исходит от правдивости.

Наведывайся к каждому по мере уважения его к тебе.

Тайники мира полны горем.

Сила — есть владение над гневом своим.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.

Председатель редсовета. Президент Некоммерческого партнерства «Ватаным» («Мое Отечество»), академик Российской академии наук, почетный академик АН Башкортостана, Казахстана и Татарстана, кардиохирург

Алишина Х. Ч.

доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета

Асадуллин Р. М.

президент Башкортостанской организации «Ватаным», ректор Башкирского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

Ахметшин Р. К.

заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в Российской Федерации

Володарская Э. Ф.

член правления «Ватаным», ректор Московского института иностранных языков, главный редактор журнала «Вопросы филологии», академик РАН

Давлетшин Г. М.

доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Мир-Хайдаров Р. М.

писатель, заслуженный деятель искусств РТ, почетный гражданин Казахстана

Нигматулин Р. И.

член правления «Ватаным», академик Российской академии наук, научный руководитель Института океанологии РАН

Рахим Теляшев

журналист-краевед, писатель-историк, заслуженный работник культуры РТ, г. Санкт-Петербург

Ренат Харис

лауреат государственной премии РФ (2006 г.), народный поэт Татарстана

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Исполнительный
директор
Лейсан Ситдикова

Заместитель главного
редактора
Марат Сафаров

Художник-дизайнер
компьютерной верстки
Султан Каримов

Ответственный за
распространение газеты
Ахат Мухамедов

Учредитель:

Некоммерческое партнерство содействия развитию институтов гражданского общества «Ватаным».

Газета зарегистрирована Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

Адрес редакции:

115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.

Телефоны: (495) 951-16-94

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать

01. 04. 2019

Отпечатано в типографии

ООО «Фолук Групп».

Тираж 15 000 экз.

Юрий Пернатъев

В самом центре старого Дамаска возвышается одна из величайших святынь мусульманского мира – Умайя, или мечеть Омейядов, Большая мечеть, построенная в начале VIII в. халифом аль-Валидом ибн Абд аль-Маликом.

В античные времена на этом месте римляне построили храм Юпитера с окружающим его архитектурным ансамблем. В IV в. в Дамаск пришли византийцы и, разрушив языческий храм, построили из его обломков православный собор во имя христианского пророка Иоанна Крестителя, казненного царем Иродом.

В начале VII в. арабы-мусульмане, захватив Сирию с ее церквями и монастырями, изумились их роскоши и пышности религиозных ритуалов покоренных византийцев. Полководец Халед бен Валид, войскам которого сдался в 636 г. гарнизон Дамаска, письменно гарантировал «неприкосновенность жителей города, их имущества, церквей и городских стен». Главный собор города стал местом молитвы мусульманских воинов, допускались сюда для своих молитв и христиане. Одним словом, места хватало всем. Таким образом, несколько десятилетий в Сирии сохранялась атмосфера религиозной терпимости и взаимного уважения христианской и мусульманской общин; звон колоколов над гигантской базиликой, посвященной Иоанну Крестителю, чередовался с молитвенным пением муэдзина.

Но шло время, и Дамаск из заурядного города времен пророка Мухаммеда и первых его преемников превратился в столицу огромного халифата, основанного династией Омейядов (661–750 гг.). Число приверженцев ислама возросло настолько, что грандиозная базилика Св. Иоанна с ее тремя 140-метровыми пролетами-нефами не могла вместить всех, а христиане здесь и вовсе оказались лишними. К тому же новая столица богатели, расцветала, и омейядские халифы справедливо решили, что она должна иметь собственное святилище, подобное первым мечетям в Мекке, Медине, Куфе, Басре... И шестой халиф из рода Омейядов аль-Валид ибн Абд аль-Малик (705–715 гг.), владения которого простирались от Китая на востоке до Пиренеев и Атлантики на западе, начал переговоры с представителями христианской общины Дамаска, предложив им уступить мусульманам территорию базилики в обмен на разрешение беспрепятственно пользоваться пятью храмами в городе. Христиане заупрямились.

Тогда Аль-Валид приказал разрушить базилику, убрать остатки римских сооружений, на месте которых она была возведена, и начал строительство мечети, «прекрасней которой не было и не будет». По свидетельству арабского историка Абд ар-Рашид аль-Бакуви, строительство продолжалось все десять лет правления халифа при участии 12 тысяч рабочих. Правитель истратил на него семилетний доход государства. Когда на восемнадцатый верблюдах ему доставили бумаги со счетами, он даже не взглянул на них и сказал: «Это то, что мы израсходовали ради Аллаха, так не будем жалеть об этом».

Творение «ради Аллаха» было поистине грандиозным. То, что создали арабские архитекторы в начале VIII в., на протяжении столетий служило образцом всему мусульманскому миру. При строительстве мечети Омейядов использовались технические и

художественные приемы сасанидского и византийского зодчества, были даже сохранены многие элементы древних храмов, на месте которых шло строительство. Однако план мечети и внутреннее устройство получили совершенно иную трактовку. А ее декор славился несравненным совершенством.

Ансамбль мечети представляет собой в плане прямоугольник. Молитвенный зал свободно просматривается во всех направлениях – древние колонны, сохранившиеся

в Дамаск правителю Сирии Муавии и повешена на городских воротах – на том самом месте, где когда-то царь Ирод велел выставить голову Иоанна Крестителя. Соловьи, повествует легенда, запели в садах города так печально, что все его жители рыдали. Тогда Муавия, полный раскаяния, приказал поместить голову в золотой саркофаг и установить его в склепе, который позднее оказался внутри мечети Омейядов. Говорят, что там же хранятся волосы Мухаммеда, которые он остриг перед последним паломничеством в Мекку. Около склепа день и ночь мулла читает Коран.

И капсула с головой Иоанна Крестителя, известного на Руси как Иоанн Предтеча (в Коране он именуется Юханн), тоже находится здесь, в мечети Омейядов. Она хранится в центре храма, в маленьком изящном павильоне с куполом, повторяющим по форме перекинутую над ним арку, и за решетчатыми окнами. Как она здесь оказалась? Она всегда была здесь, но нашли ее, как рассказывают, несколько веков назад, во время реставрационных работ.

Сквозь знаменитый айван (колоннаду) Омейядов хорошо просматривается внутренний двор мечети. В центре двора – фонтан для омовения, ибо храм – это место очищения.

Пожалуй, нигде в мире не найти такой мозаики, как в мечети Омейядов. Огромное панно выполнено вдалбливанием стеклянных или

от римлян и византийцев, отстоят друг от друга на пять и более метров. На них опираются двухъярусные арки, подчеркивающие высоту зала, увенчанного в центре куполом на четырех опорах, который называется «куббат аннасар» – «купол победы».

Зал мечети освещают массивные хрустальные люстры европейского типа. В XIX в. молитвенный зал несколько изменил свой вид. В частности, окна и проемы арок северной стены были украшены яркими красочными витражами.

Крутая лестница за резными высокими дверями ведет на высокий амвон (минбар) из белого мрамора. Отсюда духовные проповеди в настоящее время транслируются по радио по всей стране.

У Большой мечети три минарета, и каждый стоит на фундаменте римско-византийских времен. Все они имеют названия: минарет Невесты (четырёхугольная башня, поскольку древнее основание квадратное), минарет Исы, то есть Иисуса Христа (возвышается над юго-западным углом мечети), и минарет Мухаммеда – западный (возведен в 1184 г.).

Мусульмане верят, что накануне Страшного суда Иса (Иисус Христос) спустится на землю возле «своего» минарета для борьбы с Антихристом. И когда это произойдет, из минарета Невесты выйдет девушка из племени гассанидов: она была невестой Иисуса, но красавицу замуровали в стены башни, стоявшей когда-то на этом месте.

В этой огромной мечети множество таинственных и загадочных мест. В глубине ее двора среди колонн галереи скрывается маленькая дверь, ведущая к так называемой Мешхед Хусейн – часовне Хусейна: все в Дамаске знают, что здесь, в капсуле под покрывалом, расшитым кораническими надписями, покоится голова внука пророка Мухаммеда – Хусейна, мученика ислама, убитого в сражении при Кербеле в 681 году. Голова его была отсечена, доставлена

позолоченных смальтовых кубиков в связующую массу – так создавали мозаику и в Римской империи. По преданию, это панно сделали мастера, выписанные аль-Валидом из Константинополя. Что тут только ни изображено: и сельские пейзажи, и цветущие уголки Дамаска, и река Барад с замками на берегах. Наследники аль-Валида, боясь гнева Аллаха, приказали замазать известковым раствором эти изображения – образцы культуры раннеисламского периода, объединившие орнамент и изображение, символ и реалистическое воспроизведение земного мира. Сейчас они реставрированы.

Когда посланцы Византии впервые увидели Большую мечеть, они не могли сдержать восхищения, произнеся при этом историческую фразу: «Прекрасная мечеть заставила нас убедиться в том, что арабы окончательно закрепились в этой стране и мы никогда не сможем сюда вернуться».

К сожалению, несчастья и бедствия не обошли стороной этот шедевр архитектуры – между 1068 и 1893 годами мечеть и отдельные ее части бесчисленное число раз горели. Трижды – в 1157, 1200 и 1759 годах – ей причинили большой ущерб землетрясения. С тех пор как Дамаск перестал быть столицей халифата, Сирия подвергалась опустошительным набегам то сельджуков, то монголов, то Османов. Но всякий раз мечеть восстанавливалась и снова радовала мусульманский мир своим великолепием.

К мечети Омейядов и сегодня стекаются мусульмане всего мира. В Дамаске она самая посещаемая. Мусульмане приходят сюда, чтобы очиститься и совершить молитву, услышать и увидеть там Слово Аллаха, приобщиться к красоте, ибо, как сказал пророк: «Аллах любит красивое», – только с Его помощью, с Его благословения могло появиться на земле такое чудо гармонии – храм в центре мусульманского мира, открытый для всех верующих.

ВНИМАНИЕ — ПОДПИСКА-2019

Уважаемые читатели!

Продолжается подписная кампания на первое полугодие 2019 года. Оформить подписку на газету «Татарский мир» можно во всех отделениях «Почты России» по индексу П3735 в каталоге «Почта России». Также вы можете подписаться в режиме онлайн на специальном сайте Почты России podpiska.pochta.ru. Мы ценим и уважаем каждого нашего читателя. И впредь будем стараться сохранять многолетний статус газеты, стремясь к непревзятому осмыслению истории татарского народа, культуры и современных проблем. Мы продолжим публикацию материалов в рамках постоянных рубрик: «Выдающиеся просветители», «Восточная мозаика», «Мир искусства», «Парадоксы истории» и многих других. Любителей литературы будем знакомить с произведениями современных татарских писателей и поэтов. Самым маленьким нашим читателям адресована рубрика «Балам-багалмам». Наша газета всегда предоставляет возможность авторам и читателям обмениваться мнениями, публиковать свои статьи, иллюстрации и комментарии к ним. Мы благодарны вам за каждый визит в редакцию, письмо или звонок. Ваша критика и помощь позволяют делать газету интересной, насыщенной и актуальной. **Надеемся на дальнейшее сотрудничество!**

